

Programme Pouchkine

*Издание осуществлено в рамках
программы "Пушкин" при
поддержке Министерства
иностранных дел Франции
и Посольства Франции в России*

---

*Ouvrage réalisé dans le cadre du
programme d'aide à la publication
Pouchkine avec le soutien du Ministère
des Affaires Etrangères français et de
l'Ambassade de France en Russie.*

Herculine Barbin
dite
Alexina B.

Présenté
par Michel Foucault

Gallimard

Эркюлин Барбен,
известная также как
Алексина Б.

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА

Перевод с французского Маруси Климовой

Общество друзей Л.-Ф. Селина
KOLONNA Publications
Митин журнал

ББК 84.7 Фр

Эркюлин Барбен, известная также как Алексина Б. Воспоминания гермафродита. Публикация и составление Мишеля Фуко.
// Перевод с французского Маруси Климовой – СПб: Общество друзей Л.-Ф. Селина; СПб: «Митин журнал»; Тверь: KOLONNA Publications; 2005

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин» при поддержке Министерства Иностранных Дел Франции и Посольства Франции в России.

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide à la publication «Pouchkine» avec le soutien du Ministère des Affaires Etrangères français et de l'Ambassade de France en Russie.

Судьба Эркюлин Барбен (1838-1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни». На русский язык переводится впервые.

Редактор: Дмитрий Волчек
Дизайн обложки: Виктория Горбунова
Верстка: Елена Антонова
Руководитель издания: Дмитрий Боченков

ISBN 5-98144-080-5

© Editions Gallimard, 1978
© Маруся Климова, 2006
© Общество друзей Л.-Ф. Селина, 2006
© Митин журнал, 2006
© Kolonna Publications, 2006

Эркюлин Барбен
МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Мне только двадцать пять лет, и хотя это совсем немного, я нисколько не сомневаюсь, что уже приблизился к роковому завершению своего земного существования.

Страдания мои были столь же безмерны, как и мое одиночество! А я всегда был одинок! И всеми покинут! В этом холодном бесчувственном мире нет места таким, как я. Ни одному живому существу не пожелаю я мучений, которые довелось испытать мне, после того, как детство мое закончилось, и я вступил в возраст, когда молодость и открывающиеся перспективы делают жизнь человека особенно прекрасной.

Этой поры для меня не существовало. С этого самого момента я начал чувствовать, как инстинктивно удаляюсь от окружающих, словно уже понимал, что навсегда останусь чуждым этому миру.

Я постоянно о чем-то тревожился и мечтал; мое чело, казалось, было отмечено печатью тяжких и мрачных сомнений. Я *была холодна*, застенчива, и, можно сказать, не испытывала особого влечения ко всем этим шумным и невинным забавам, от которых обычно расцветает улыбкой лицо ребенка.

Меня больше прельщало одиночество, спутник несчастья, а если какая-нибудь доброжелательная улыбка вдруг обращалась ко мне, я *была счастлива*, словно меня одарили милостыней.

Мое детство, как и большая часть юности, протекали в сладостной тиши церковных обителей.

Моим воспитанием занимались люди истинно верующие, прямые и чистые сердцем. Мне довелось увидеть вблизи эти благословенные убежища, где нашли себе приют те, чья мирская жизнь была бы окружена блеском и славой.

Скромные добродетели, ослепительное сияние которых я наблюдал, немало способствовали тому, чтобы я смог понять и полюбить истинную религию, религию преданности и самоотречения.

Позже, под грузом жизненных невзгод и ошибок, эти воспоминания являлись мне, словно небесные видения, а эти образы стали для меня подобны целительному бальзаму.

В то время едва ли не единственным моим развлечением были несколько дней, которые я ежегодно проводил в благородном семействе, где мою мать принимали гораздо более как подругу, нежели как гувернантку. Характер главы этого семейства сформировали несчастья тех пагубных и мрачных лет.

В маленьком городке Л., где я *родилась*, в то время был, и сохранился до сей поры, приют для военных и гражданских лиц. Часть этого обширного заведения предназначалась специально для лечения больных обоих полов, число которых всегда оставалось значительным, поскольку, как мною уже было упомянуто, его постоянно пополняли еще и служащие городского гарнизона.

Другая часть заведения была полностью отдана в распоряжение юных сирот и детей, брошенных

во младенчестве. Эти дети, плоды преступлений или рокового стечения обстоятельств, почти всегда остаются в этом мире безо всякой помощи. Несчастливые создания, с самой колыбели лишенные материнской ласки!

Именно в этой юдоли страданий и слез я и провел несколько лет своего детства.

Я почти не знал своего несчастного отца, человека отважного и мужественного, изо всех сил пытавшегося защитить нас от постоянно угрожавшей нам нищеты, ибо внезапная смерть слишком рано вырвала его из нежных объятий моей матери.

Его положение вызвало сочувствие в сердцах некоторых благородных людей, искренне жалевших его, поэтому начальство приюта города Л. и решило благосклонно нам помочь.

Благодаря протекции одного чиновника, видного члена городской адвокатуры, я *была принята* в это достойнейшее заведение, где по отношению ко мне проявляли трогательную заботу, хотя кроме меня в этой святой обители воспитывались еще множество сирот.

Тогда мне было всего семь лет, но у меня до сих пор стоит перед глазами душераздирающая сцена, предшествовавшая моему поступлению.

Утром того злополучного дня я и не подозревал, что произойдет через несколько часов после моего пробуждения; моя мать вывела меня как будто на прогулку и молча привела в это заведение, где нас уже ожидала главная управляющая; она приняла меня чрезвычайно ласково, видимо, желая

скрыть от меня тихие слезы моей бедной матери, которая, после долгих объятий, в отчаянии удалилась, почувствовав, что самообладание ее окончательно покидает.

После ее ухода сердце мое сжалось, как бы давая мне сигнал, что отныне я остаюсь в чужих руках.

Однако в этом возрасте настроение быстро меняется, и моя грусть вскоре рассеялась, ибо меня отвлекли от нее новые впечатления. Сперва меня там все поразило: просторные дворы, полные детей и больных, молитвенная тишина длинных коридоров, нарушавшаяся лишь страдальческими стонами или криком, исторгшимся в болезненной агонии, – все это взволновало мне сердце, однако ничуть не испугало.

Матушки, окружавшие меня, представлялись моему детскому взору улыбающимися ангелами: казалось, они так меня любят!

Меня их присутствие несколько не раздражало, и я был так счастлив, когда одна из них, посадив меня к себе на колени, позволила мне поцеловать поцелуями свое нежное лицо!

Вскоре я увидел своих юных подруг и очень быстро их полюбил. Однако их отношение ко мне было как бы слегка отстраненным и почтительным, ибо бедные дети понимали, насколько их судьба отличалась от моей. У меня же была семья, мать, и это вызывало их зависть. Но это я понял чуть позже. Как-то между нами вспыхнула детская ссора, причины которой я уже не помню, однако одна из них, нравившаяся мне больше других, горько упрекнула меня в том, что я вкушаю хлеб, мне не

предназначенный. Я не стану подробно останавливаться на этом раннем периоде своей жизни, который не омрачил ни один серьезный инцидент.

Однажды, когда, как обычно, я отправился в город, дабы навестить некоторых бедных больных, добрейшая сестра М., которая всегда любила меня больше всех воспитанниц и обычно сопровождала при посещении этих убогих лачуг, сообщила мне, что скоро у меня будут другие покровители. Благодаря своему общепризнанному авторитету, она добилась моего перевода в монастырь урсулинок, где мне предстояло пройти первое причастие и получить более серьезное образование. Признаюсь, что моим первым порывом была радость. Добрая монашка несомненно это заметила, ибо ее просветленное лицо на мгновение омрачилось мимолетной тенью ревности и грусти, которые я не без оснований объяснил ее искренней ко мне привязанностью.

Там, сказала мне эта прекрасная женщина, вы будете жить вместе с юными девицами, преимущественно богатыми и знатными. Вашими подругами в учебе и играх больше не будут безродные дети, с которыми вы жили до сего дня, и вы, без сомнения, скоро забудете тех, кто заменял вам вашу мать. Как я уже, кажется, сказал, я очень любил добрую сестру М., и эти ее обвинения сильно меня заделали.

Я сжал ее руку и, не умея выразить свои чувства, глубоко взволнованный, поднес ее к своим губам.

Этот немой протест успокоил ее относительно моих чувств, хотя вряд ли заставил забыть о том, что отныне моими привязанностью и уважением будут пользоваться другие люди.

Несколькими днями позже меня приняли в монастырь С. на правах пансионерки. Добрая сестра М. пожелала проводить меня туда и лично передать в руки начальницы этого заведения.

В жизни не забуду чувство, посетившее меня, когда я впервые увидел эту женщину. Никогда еще под монашеским одеянием не скрывалось столько достоинства, гордости и в то же время несравненной красоты. Матушка Элеонора, как ее здесь называли, принадлежала, как мне стало известно позже, к одной из самых знатных семей Шотландии.

Ее уверенная осанка внушала уважение. И одновременно невозможно было представить себе лицо более открытое и привлекательное. Стоило лишь однажды увидеть ее, чтобы полюбить навсегда. Она была не только чрезвычайно образованной женщиной, но еще и очень умело и разумно руководила вверенным ей учреждением. Безграничное уважение, которым она пользовалась в высшем свете, создало ей прочное положение в городе.

И все в один голос подтверждали, что она этого безусловно заслуживает.

В день, когда я пишу эти строки, ее земной путь уже завершился, и я знаю, что вечно буду ее оплакивать. Я вспоминаю о ней с бесконечной нежностью и теплотой. В моей полной горя и страданий жизни ее ангельская улыбка озаряла меня, подобно лучу надежды, и делала меня чуточку счастливее.

Вскоре это богоугодное заведение стало для меня родным домом, где я был окружен теплом и

заботой, отчего бессознательно ощущал гордость и уверенность в себе.

В пансионате воспитывалось много юных девиц, которые позже вполне могли занять в обществе довольно высокое положение: либо благодаря своему происхождению, либо в силу удачного стечения обстоятельств.

Посему между нами существовала естественная граница, на преодоление которой требовалось некоторое время.

Тем не менее, мне никогда не приходилось страдать из-за этого различия, которое молодежь часто слишком быстро осознает и которым она, по примеру других, – как взрослых, так и детей, – порой жестоко злоупотребляет.

Все девушки полюбили меня, но, должен сказать, я не особенно обольщался на этот счет, так как думал, что моя привязанность не имеет в их глазах ни малейшей ценности.

Обучение было основательным, ибо его доверили по-настоящему умным людям.

А поскольку я всегда *была очень старательной и ощущала* сильную тягу к серьезным занятиям, я тут же с радостью этим *воспользовалась*.

Довольно быстро я добился успехов, и не раз приводил в изумление своих достойных наставниц.

Иначе обстояло дело с ручным трудом, к которому я постоянно демонстрировал глубочайшее отвращение и величайшую неспособность.

Пока мои подружки создавали маленькие шедевры, предназначенные для украшения салона или же для подарка младшему брату, я проводил время

за чтением. Особенно меня привлекала история – как древнего мира, так и новейшая. Я находил в ней пищу для жажды знаний, завладевшей всем моим существом. Это любимое занятие еще и помогало мне отвлечься от неясной тоски, порой безраздельно овладевавшей мною.

Сколько раз я *отказывалась* от прогулки, чтобы иметь возможность с книгой в руке бродить в одиночестве по живописным аллеям нашего прекрасного сада, в конце которого находилась небольшая рощица из тенистых и пышных каштанов!

Оттуда открывался великолепный вид на просторы, покрытые роскошной растительностью, обычной в южных краях.

Сколько раз мадам Элеонора заставляла меня погруженным в неясные грезы, и ее взгляд сразу же заставлял меня забыть обо всем! Я радостно бросался к ней навстречу, ожидая поцелуя, охваченный негой, сжимал ее в объятиях – подобных чувств мне не суждено было испытать больше никогда.

Порой мне так необходима была живая и искренняя привязанность, но, как ни странно, я никому не решался даже намекнуть на это.

У меня было много достойных друзей, однако особенно я сблизился с дочерью придворного королевского советника.

Я полюбил ее с первого взгляда, несмотря на вполне заурядную внешность, однако все ее существо излучало невыразимую грацию; ее нельзя было назвать красивой, и хотя ее черты были пленительно правильными, в них ощущалось гибельное прикосновение болезни, которая ищет

свои жертвы по преимуществу среди самых молодых и удачливых. Бедная Леа была из их числа. Ей только что исполнилось семнадцать, однако на челе ее лежала печать тайных мучений, не предвещавшая ей ничего хорошего в будущем. Я понял, что эту страдальицу ждет преждевременная смерть.

Возможно, нашему сближению способствовало физическое сходство, иначе я этого объяснить не могу, ибо нас разделяла солидная разница в возрасте: ведь мне еще не исполнилось и двенадцати лет. Некоторые привязанности невозможно объяснить. Они рождаются сами собой.

В то время я и сам был слаб, и здоровье мое оставляло желать лучшего.

Мое состояние вполне могло вызывать серьезные опасения, чем и объяснялось отношение ко мне окружавших меня добрых монахинь. Я, как и Леа, был предметом постоянных забот, и мы с ней не раз оказывались вместе в лазарете.

Я относился к ней с самозабвенной преданностью и идеализировал ее.

Я был ее рабом, ее верным и преданным псом. Я любил ее со страстью, свойственной мне во всем.

Я почти плакал от радости, когда ко мне склонялись эти длинные, роскошно изогнутые ресницы, как будто ласкавшие меня.

Какую гордость я *чувствовала*, когда в саду она опиралась на мою руку!

Обнявшись, мы прогуливались по длинным аллеям, а вокруг цвели великолепные розовые кусты. В ее речах, как и во всей ее натуре чувствовался дух возвышенный и язвительный.

Ее прекрасная светлая головка склонялась ко мне, и я благодарил свою спутницу горячим поцелуем.

Леа, говорил я тогда, Леа, я люблю тебя! Вскоре нас заставлял расстаться звонок. Надо сказать, что мадмуазель де Р. была одной из лучших учениц. Она уже завершила свое обучение и оставалась в монастыре лишь для того, чтобы углубить познания в сфере изящных искусств, в которых она уже достигла такого успеха, что вполне могла прославить своих учителей.

С наступлением вечера мы расставались до следующего утра, до начала мессы. Мы спали в разных дортуарах. Ее дортуар располагался рядом с единственной в пансионате гардеробной. Таким образом, иногда у меня появлялся предлог, чтобы увидеть ее перед сном. Много раз уже мадам Мари де Гонзаг упрекала меня в том, что у меня целый день отсутствующий вид и угрожала, что больше не позволит мне отлучаться из дортуара.

Помню, однажды майским вечером мне удалось обмануть ее бдительность. Завершив чтение молитвы перед сном, она спустилась к матушке Элеоноре.

Не слыша ее шагов на лестнице, я тихонько пробираюсь через дортуар, затем через большой зал, служивший для занятий музыкой. Я захожу в гардеробную, беру наугад первый попавшийся предмет и бесшумно проникаю в келью, где, как я знал, находится Леа. Я бесшумно склоняюсь над ее кроватью и, поцеловав ее несколько раз, надеваю ей на шею маленький крестик из слоновой кости,

весьма красивой работы, который, как мне казалось, она очень хотела получить. «Послушай, друг мой, – сказал я ей, – прими это и носи ради меня».

Едва выполнив это, я тут же торопливо *отправилась* туда, откуда пришла. Но я не проделала и половины пути, как звуки знакомых шагов заставили меня вздрогнуть. Позади меня стояла моя наставница, она заметила меня.

Я *остановилась* в нерешительности, тщетно пытаясь отвести от себя грозу. Однако не найдя никаких объяснений, *стала* отважно ждать.

«Мадмуазель, – сухо сказала добрая монахиня, – я не стану вас наказывать; этим займется завтра мать Элеонора».

Эта угроза сулила мне ужасное испытание. Ибо чувства, которые я питал к нашей матушке, были скорее сродни страстному и смиренному обожанию, нежели страху. И мысль о том, что я могу вызвать ее недовольство, была мне невыносима.

Я плохо спал этой ночью, и мое пробуждение было тягостным. На мессе я не решался повернуть голову из страха встретить ее взгляд.

Во время перемены, последовавшей за завтраком, ко мне подошла послушница и попросила зайти в кабинет начальницы. Я вошел туда, дрожа, подобно приговоренному перед судьей.

Мне кажется, я и сейчас вижу это кроткое и серьезное лицо. Благородная женщина, поставив ноги на скамеечку для молитвы, сидела у стены в скромном кресле, над которым висел большой крест эбенового дерева.

«Дитя мое, – грустно произнесла она, – мне стало известно, что вы нарушаете распорядок, и

если бы не мое уважение к вашей наставнице, доверившей вас моему попечению, я бы без колебаний вычеркнула вас из списка тех, кто примет в этом году первое причастие. Я знаю, насколько она к вам привязана и, несмотря ни на что, попытаюсь вам ее заменить».

Затем она смягчилась и знаком пригласила меня сесть к ее ногам на скамеечку.

Я молча плакал, склонив голову на ее руку, которую она не убирала.

И тут я пережил некое молитвенное озарение, открывшее для меня все величие этой воистину чистой и благородной души. Возможно, я тогда не понимал всех ее возвышенных побуждений, но сегодня, когда я уже могу судить о людях и вещах, звуки этого любимого голоса все еще раздаются у меня в ушах и заставляют биться мое сердце. Они напоминают мне счастливую пору моей жизни, когда я и не подозревал ни о несправедливости, ни о низости этого мира, которые позже мне суждено было изведать сполна.

Я оставил матушку Элеонору, и сердце мое было полно тихой радости и искренней благодарности.

Приближался день первого причастия, а вместе с ним и миг, когда я должен был распрощаться с чистыми отроческими чувствами, ибо мне предстояло покинуть обитель и отправиться в Сент, к своей матушке.

Этот день был назначен на 16 июля. Утро выдалось лучезарное; казалось, сама природа радуется этому празднику невинности и благодати.

Двадцать две юных девушки готовились вместе со мной к этому знаменательному событию.

И мне кажется, я имею право сказать, что наилучшим образом исполнил этот священный акт.

После мессы, совершенной со всей торжественностью, какую только можно встретить в религиозном заведении, в залу для свиданий впустили пребывавших в нетерпении матерей, жаждавших сжать в объятиях юных виновниц празднества.

Моя мать уже ждала и, увидев меня, не смогла сдержать тихих слез, явившихся самым красноречивым проявлением материнской любви.

Наше свидание было слишком кратким. Двери вскоре закрылись за ней. Ни один ребенок в этот день не имел права покидать священных стен.

Мирские забавы не должны были ничем нарушать спокойствие этих юных, вновь посвященных душ.

Но я так и не забыл досадный инцидент, которым завершился этот день.

За трогательной вечерней церемонией последовало шествие по саду.

Место был выбрано безупречно. Невозможно представить что-нибудь более торжественное, чем длинная вереница облаченных в белое детей, шествующих по чудесным аллеям этого скромного Эдема.

В религиозных песнопениях, подхваченных свежими и чистыми голосами, было нечто воистину поэтическое, трогавшее сердце.

Воздух, до этого теплый и благоуханный, вдруг стал гнетущим. На горизонте появились большие черные тучи, что было предзнаменованием сильнейшей грозы, какие столь часты в здешней

гористой местности. Вскоре это подтвердили большие капли дождя, и когда кортеж вошел в часовню, на горизонте уже мелькали зловещие вспышки молний.

Сердце мое сжалось помимо моей воли. Было ли это предчувствие ожидавшего меня мрачного и сурового будущего? Неужели мне неизбежно придется готовиться к нему и ступить в этот шаткий челнок, который зовется миром?

Увы! Действительность слишком быстро заявила о себе!.. Эта громыхающая гроза была лишь предлюдией к тем, что с тех пор обрушились на меня!!!

Вечером я не мог ничего есть. Мною овладело странное недомогание. Перед тем как заснуть, я сжал в объятиях мою дорогую Леа, и подаренный мною поцелуй был грустен, как последнее прощание!

И ее тоже, без сомнения, мне придется потерять, ибо в будущем наши судьбы не могли соединиться.

Через два года после моего отъезда из Л. мне стало известно, что моя бедная подруга скончалась от сильнейшей чахотки. Ее смерть оказалась страшной трагедией для ее благородной семьи, кумиром которой она была. Так погибла первая привязанность моей жизни!

Здесь я перехожу к новому этапу моего существования, ничуть не похожему на тихие и спокойные дни, проведенные мною в этой радостной обители.

Я прибыл в Б. Моя мать уже пять лет жила в этом городе. Это древнее поселение, выбранное великим королем для проведения важных военных

действий, название которого связано со значительными политическими событиями.

В этот миг, перед тем, как приступить к исполнению стоящей передо мною нелегкой задачи, я чувствую некоторые колебания.

Мне приходится говорить о вещах, которые многим представляются странными и абсурдными, поскольку они в самом деле находятся за пределами возможного.

Без сомнения, им будет сложно точно вообразить себе ощущения, пережитые мною вследствие уготованных мне невероятных событий.

И я могу просить их лишь об одном: чтобы они в первую очередь уверились в моей искренности.

Мне было пятнадцать лет, и не стоит забывать, что с возраста семи лет я *жила* в разлуке с матерью.

Я виделся с ней очень редко, урывками. Мое прибытие в Б., в дом, где она находилась, каждый раз праздновалось так, словно я был членом этой семьи. На сей раз я вернулся окончательно. Эта семья состояла из пяти человек.

Глава ее, почтенный седовласый старец, был живым воплощением достоинства и справедливости.

Ближе всех к нему была его младшая дочь. Все благородные задатки ее обожаемого отца отразились в этой гордой душе, которую не смогли подавить мучительные горести несчастливого союза.

У мадам де Р. было трое детей, на которых она излила всю бесконечную нежность, переполнявшую ее сердце.

Она питала к моей матери глубочайшую привязанность, которой нисколько не мешало различие в социальном положении, ибо она чрезвычайно

ценила и уважала ее. Моя мать, хоть и находилась у нее в подчинении, была в ее глазах скорей подружкой, наперсницей.

И вскоре мадам де Р. желала лишь одного: чтобы я остался в их доме прислуживать ее дочери, которой тогда было 18 лет. С присущей мне гордостью я, конечно же, отверг бы подобное предложение от кого бы то ни было.

Здесь же дело обстояло иначе. Я был рядом с матерью, в семье, которую постепенно *привыкла* считать своей, и следовательно, я согласился, ко всеобщему удовольствию.

Мадмуазель Клотильда де Р. сочетала в себе наряду с редкой красотой некоторую надменность, о которой она забывала лишь наедине со мной. Она видела во мне *девочку*, с которой можно было, не компрометируя себя, обходиться на равных.

И вот я *стала ее камеристкой*.

Хотя я и не имел всех необходимых для моей должности навыков, она всегда прекрасно со мной обращалась.

Наши спальни были разделены небольшой приемной залой.

По утрам, как летом, так и зимой, я постоянно присутствовал при ее пробуждении, а просыпалась она рано. Затем я одевал ее, и во время этой церемонии мы обсуждали почти все возможные темы. Если же воцарялось молчание, я начинал наивно ею восторгаться. Ее кожа была белизны несравненной. Невозможно было и вообразить себе формы более грациозные, буквально ослепительные.

И я пребывал в ослеплении. Порой я не в состоянии был удержаться от комплимента,

который она выслушивала со всей возможной благосклонностью, безо всякого удивления или самодовольства.

Тогда, меняя тему, она справлялась о моем здоровье, которое нисколько не улучшалось, несмотря на нежные заботы, которыми меня все больше окружали. Если я жаловался на плохое самочувствие, мне предписывалась та или иная диета. Советы в данном случае были подобны приказам, которым приходилось подчиняться, дабы не быть обвиненным в непослушании.

Иногда даже по ничтожным поводам приходилось обращаться к врачу.

Он часто заглядывал в особняк по причине частых недомоганий, испытываемых моим достойным благодетелем, мсье де Сен-М. Острые боли почти постоянно держали его пригвожденным к кровати или же к огромному креслу. Только моей матери удавалось успокоить терзавшие его жестокие припадки.

Я выполнял при нем как серьезные, так и незначительные поручения. Я *была* его *чтицей*, его секретарем. Когда ему позволяло здоровье, он просил меня перечитывать и тщательно изучать огромные пачки семейных документов, что было его любимым развлечением. «Сядь поближе ко мне, Камилла, говорил он мне, – и попытайся найти то или другое письмо, связанное с известным тебе делом». Я медленно читал, украдкой взглядывая на него, чтобы узнать, доволен ли он.

Закончив читать, я снова искал и находил фрагменты личной переписки. По большей части, это были письма от какой-нибудь его сестры

или старшего брата, отважного генерала империи, раненного при совершении славных подвигов на наших великих полях сражений. Я всегда был счастлив, сделав подобную находку, поскольку они давали повод для множества рассказов, которые я жадно выслушивал.

Хотя я и был очень молод, он безгранично мне доверял.

Как я уже сказал, я много читал. У меня рано сформировалось собственное мнение. В том возрасте, который считается подростковым, я *была* уже очень *серьезной, вдумчивой* и мне были известны все ключевые моменты нашей столь богатой событиями истории.

В определенные часы моя юная хозяйка заходила проведать своего отца, чьей любимицей всегда была; но ее присутствие не прерывало начатую работу.

По вечерам я читал газету.

Во время этого чтения он почти всегда закрывал глаза и откидывал голову на подушки. Первое время, видя, что он заснул, я замолкал.

Он тотчас же это замечал.

«Неужели ты устала?», – говорил он мне и, получив отрицательный ответ, велел продолжать. Я должен был читать все, кроме хроники.

Правда, я не забывал о ней. И *читала* ее, оставшись в одиночестве.

Таким образом, я проглотил огромные собрания старинных и современных сочинений, стоявших на полках библиотеки, примыкавшей к моей комнате.

Не раз я проводил за этим занятием почти всю ночь. Это было для меня отдыхом, развлечением. Кстати, надо отметить, что таким образом, я пополнял свое образование.

Признаю, что особенно я *была потрясена* чтением «Метаморфоз» Овидия. Те, кто знает, о чем идет речь, могут меня понять. Эта находка имела для меня особое значение, и продолжение моей истории это ясно доказывает.

Шли годы. Мне исполнилось 17 лет. В моем состоянии было нечто противоестественное, хотя беспокойства это не вызывало.

Врач, с которым мы консультировались, всякий раз признавал, что признанные средства не помогают. В конце концов, он прекратил свое вмешательство, рассчитывая на время. Меня же все это нисколько не пугало.

Мадмуазель Клотильде де Р. было двадцать лет, и ее свадьба была запланирована уже давно с одним из кузенов, унаследовавшим от своей матери блестящее состояние и носящим славную фамилию, навсегда занесенную в летописи французского морского флота.

После его возвращения, которого так долго ожидала его прекрасная суженая, тотчас же началась подготовка к свадьбе.

Рауля де К. нельзя было назвать красавцем, однако он принадлежал к мужчинам, которые привлекают с первого же взгляда.

Его открытое с печатью прирожденного благородства лицо пленяло и располагало к себе. Любая женщина почла бы за честь принадлежать ему.

И я могу утверждать, что он был любим так горячо, насколько это позволяла ангельская натура чистой девушки, которую он собирался сделать своей женой.

В замке С., бывшем главной резиденцией мадам де К., молодоженов ожидали пышные семейные празднества.

Они прибыли туда через восемь дней после бракосочетания, при котором не смог присутствовать мсье де Сен-М., приговоренный состоянием своего здоровья к суровому затворничеству.

Получив благословение своего почтенного предка, эта очаровательная женщина нежно обняла меня, заставив пообещать никогда ее не забывать, что бы ни случилось со мной в жизни.

Однако она удалилась, не дожидаясь, пока я буду в состоянии ей ответить.

После этой сцены я *почувствовала себя раздавленной*.

Я не мог без слез видеть кокетливые комнаты, где жила моя хозяйка. Меня терзали необъяснимые ощущения при мысли о том, что утром она уже не будет дарить мне свою первую улыбку, а вечером – последние слова перед сном.

В моей судьбе свершились перемены. И теперь мне нужно было искать себе новое занятие.

Добрейший кюре приходской церкви, друг дома и мой духовный наставник, посоветовал мне заняться преподаванием. С моего разрешения, он сообщил это моей матери и моему благодетелю. Как я и ожидал, это предложение понравилось обоим.

Однако меня оно не особенно привлекало. К этой профессии я чувствовал необъяснимую, но глубокую антипатию.

Перспектива стать *работницей* также не особенно меня прельщала. Мне казалось, что я заслуживаю лучшего.

Однажды вечером, когда я, как обычно, читал мсье де Сен-М., а моя мать, сидя рядом со мной, готовила ему чай, которым он всегда угощал и меня, я увидел, как они обмениваются взглядами, как будто спрашивая, кто начнет первым.

Начал он. «Камилла, – сказал он мне, – ты получила хорошее начальное образование. Ты умна, теперь тебе остается только поступить в педагогический институт. И через два года ты с легкостью его закончишь и получишь диплом. Никакое призвание не соответствует лучше твоим способностям и принципам».

Я была тронута его словами и одновременно поражена справедливостью его суждений, которым непоколебимо *доверяла*. И так же быстро, приняв решение, ответил. Я горячо его поблагодарил, обещая оправдать его высокое обо мне мнение.

Моя мать была чрезвычайно счастлива моим ответом, она ожидала его с нетерпением, которое можно понять, разгадав, что эти планы одновременно удовлетворяли ее самолюбие и материнское беспокойство о моем будущем.

Дело было сделано. Моя участь была решена. Этим вечером была предначертана вся моя дальнейшая жизнь! Но, Господи! Насколько она оказалась непохожей на то, что мы ожидали!!

Теперь я без страха думал о новой профессии, на которую согласился, потому что о другой не мог и мечтать. Сказать, что я был счастлив, было бы солгать. Я чувствовал лишь безразличие.

Тем не менее, я *принялась* за дело, *воодушевляемая* стремлением преуспеть. Кому не знакомо лихорадочное нетерпение накануне того дня, когда вы должны предстать перед экзаменационной комиссией?

В Педагогический институт за счет департамента каждый год поступало двенадцать девушек. Все они перед поступлением должны были пройти предварительное собеседование, которое, как правило, проводил инспектор учебного округа. Аббат Н. снабдил меня на этот счет всеми необходимыми сведениями.

Пока моя мать занималась моим гардеробом, я *погрузилась* в работу и через несколько месяцев уже чувствовала, что вполне готова к этой первой схватке. Приближался август, время, когда начинались экзамены. Задолго до этого я уже сдала в инспекцию учебного округа свое свидетельство о рождении и характеристику, заверенную в мэрии.

Наступило 18 августа. В этом году Педагогический институт выпускал десять кандидаток на получение свидетельства о профессиональной пригодности. Среди них была и сестра моей матери, старше меня всего на несколько лет, что позволяло мне смотреть на нее как на родную сестру.

Благодаря ей, меня уже знали все ее товарки и даже сопровождавшая их начальница.

Последняя смотрела на меня как на свою будущую ученицу и обращалась со мной особенно ласково.

Этим я была обязана ее трогательной привязанности к моей тетке, одной из самых любимых ее воспитанниц, с которой ей не хотелось расставаться.

Сказать, что я была *счастлива* при мысли о перспективе, которую представляла мне эта карьера, было бы совершенной ложью. Я вступал на этот путь без отвращения, это правда, но также и без воодушевления. При этом я и не подозревал еще о бесчисленных сложностях жизни такого подневольного существа, каким, по сути, является учительница начальной школы.

Конечно, сегодня уже всем известно, в каком постыдном для нашего времени зависимом положении находятся в пансионах учителя и учительницы. Они подвергаются многочисленным нападениям и клевете со стороны людей, чьим духовным просвещением занимаются, также им приходится выносить деспотическое и губительное давление со стороны священника, завидующего их влиянию и пытающегося полностью подчинить их себе, если же это ему не удастся, он вполне способен полностью уничтожить их, вызывая в окружающих неприятие любого их поступка. И в своей практике я встречал тому многочисленные примеры. Но тогда мое время еще не настало.

Однако подводные камни, о которых я только что упомянул, неизбежны. Возможно, недоверчивые начнут надо мной насмехаться. Как бы там ни

было, я считаю, что исполнил свой долг и уверяю, что, за редкими исключениями, чиновников, против которых я осмелился здесь выступить, гораздо больше, чем я решился сказать.

После приходского священника следующим врагом учительницы является инспектор начальной школы. Это ее непосредственный начальник, человек, от которого зависит вся ее судьба. Одно его слово, сказанное в учебном округе, один рапорт префекту – и она может оказаться изгнанной из преподавательского состава.

Представьте себе человека, получившего должность инспектора начальной школы при помощи различных недостойных ухищрений – я таких видел немало. Он не способен оценить талант или заслуги учительницы пансиона, которая вполне могла бы предложить ему не почетное кресло, а место рядом с наиболее невежественными учениками: в соответствии с его уровнем.

Конечно же, он остережется затрагивать серьезную тему: он провалится. Он начнет привязываться к самым ничтожным пустякам, пугая детей и лишая их всякой возможности отвечать, что и происходит в действительности. Затем начинаются упреки в адрес учительницы, угрожающий тон, которому приходится подчиняться, дабы господин представитель учебного округа, наделенный неопровержимым преимуществом, не растоптал тебя совершенно.

Представьте себе также, и иногда это случается, что учительница хороша собой, и что она понравилась господину инспектору, поскольку эти

господа тоже могут быть весьма и весьма чувствительны. Вполне возможно признать за ними подобные качества. Бедная девушка, боясь попасть в немилость, лишиться куска хлеба, который позволяет выжить ей и ее пожилому отцу, оказывается еще более уязвимой, более униженной перед высокомерием своего начальника. Последний же, в восторге от того, что напугал ребенка, немного смягчается и в конце отпускает комплимент, который в устах любого другого показался бы оскорблением. Но разве можно невежливо ответить господину инспектору? Нет. Он это прекрасно знает. Как и нельзя остаться безразличной к расточаемым им обещаниям повышения.

Вот они уже в уютном салоне. Этот господин не отказывается от угощения. Тут уже вопросы образования никого не интересуют, он переходит на откровенно фамильярный тон; эта сфера знакома ему гораздо лучше. Смысл его медоточивых слов все более проясняется. После угроз он переходит к обещаниям, но требует благодарности, и тут его речи становятся чрезвычайно многозначительными.

Из страха навлечь на себя его ненависть учительница порой в свою очередь тоже демонстрирует широту души!!!...

Случается также, что она вежливо просит господина инспектора тотчас выйти за порог и больше никогда его не переступать.

В подобных случаях учительница почти наверняка пропала. Разве она сможет победить человека, чьи высокие моральные качества уже вошли в

поговорку? Начнем с того, что она боится скомпрометировать только себя, не нанеся ему ни малейшего ущерба: поэтому она молчит. Затем следуют различные неприятности, в префектуру начинают поступать докладные записки, и на нее обрушиваются грозные выговоры.

Если же при этом против нее настроен и приходской священник, то все кончено, ей приходится отступить. Он же, не имея возможности изгнать ее, прилагает все усилия, чтобы семьи отдавали своих детей на воспитание монахиням, которых заблаговременно пригласили в город.

Я видел, как на моих глазах разворачивались просто невероятные, самые гнусные и низкие сцены, свидетельствующие о настолько возмутительных злоупотреблениях властью, что я не в состоянии их описать.

У меня и в мыслях нет пытаться принизить это достойное, трудолюбивое и заслуживающее уважения сословие, призванное выполнять тяжелую задачу просвещения нашего сельского населения.

Никто больше, чем я, не может оценить их стремление к добру, их неустанные усилия поддерживать все, что связано с нравственной стороной образования. Моей единственной целью было поднять здесь вопрос общественной морали.

Я был принят в педагогический институт. Меня отделяли от него всего несколько миль. Тем не менее, это путешествие воспринималось мною как событие. Предстояло плыть по океану, и я заранее предвкушал очарование перемен.

Я прибыл в Д., и капитан отвез меня в училище, находящееся под покровительством монашек. С виду оно было скромным и неброским, как и жизнь его обитательниц.

Не знаю точно, что за тягостное чувство охватило меня, как только я перешагнул порог этого дома. Это было что-то похожее на боль, на стыд. Мои ощущения невозможно было передать обычными словами.

Без сомнения, это покажется невероятным, ведь я уже не *была* ребенком, мне было семнадцать лет, и я вскоре *должна была* предстать перед девушками, причем некоторым едва исполнилось шестнадцать. Теплый прием начальницы оставил меня равнодушным и, странно, но когда она привела меня в класс старших воспитанниц, от вида этих свежих очаровательных улыбающихся лиц у меня сжалось сердце.

В их молодых глазах я *видела* радость, удовольствие, однако я *была грустна и испугана!* Что-то инстинктивно протестовало во мне и, казалось, мешало войти в это святилище девственности. Однако любовь к знаниям возобладала надо всеми этими чувствами и вывела меня из странной рассеянности, завладевшей всем моим существом.

Кандидаток на получение свидетельства о профессиональной пригодности было от двадцати до двадцати пяти. Кроме нашего класса, в том же заведении было, по меньшей мере, сто девочек, – как пансионеров, так и экстернов, объединенных в два отдельных класса. Все мы располагались в огромном дортуаре, где стояло примерно пятьдесят кроватей.

По краям этой комнаты на двух отделенных белыми занавесками кроватях спали монашки. Поскольку я уже давно *привыкла* к отдельной комнате, эта необходимость жить в коллективе доставляла мне невыносимые страдания. Особенной пыткой было для меня время пробуждения, мне бы хотелось иметь возможность скрыться от взглядов моих любезных товарок: не то чтобы я пытался их избегать, для этого я слишком их любил, но инстинктивно я ощущал стыд, ибо физически сильно от них отличался.

В этом возрасте, когда развиваются все женские прелести, я не мог похвастаться ни грациозной легкой походкой, ни округлыми формами, которые являются отличительными чертами цветущей юности. Мой болезненно бледный цвет лица выдавал постоянно терзавшие меня страдания. Мои черты отличались резкостью, которую трудно было не заметить. Легкий пушок, с каждым днем становившийся все гуще, покрывал мою верхнюю губу и часть щек. Понятно, что эта особенность часто делала меня объектом шуток, которых я пытался избежать, частенько используя ножницы в качестве бритвы. Однако, как и следовало ожидать, мне удавалось добиться лишь того, что он становился еще более густым и заметным.

Он покрывал практически все мое тело, и поэтому я тщательно избегал обнажать свои предплечья, даже в самую сильную жару, как это делали мои товарки. Что касается моей фигуры, она оставалась до смешного тощей. Все это бросалось в глаза, и я замечал это постоянно. Однако нужно

сказать, что меня любили практически все мои начальницы и подруги, и это теплое отношение было взаимным, однако со своей стороны я чувствовала некоторый страх. Я была рождена, чтобы любить. Моя душа была способна лишь на это: под видимой холодностью и почти безразличием у меня скрывается горячее сердце.

Эта несчастливая черта характера очень скоро навлекла на меня упреки и сделала меня объектом пристального внимания, но я подчеркнуто это игнорировал. Вскоре близкие отношения установились у меня с очаровательной юной девицей по имени Текла, которая была старше меня на год. Конечно же, физически внешне мы сильно отличались. Моя подруга обладала совершенно отсутствующими у меня свежестью и грацией.

Нас называли неразлучными и действительно мы ни на миг не теряли друг друга из виду.

Летом, когда уроки проходили в саду, мы сидели рядом в обнимку, придерживая книгу одной рукой.

Время от времени на меня падал взгляд нашей учительницы, когда я склонялся к своей подруге, чтобы поцеловать ее то в лоб, то в губы, как ни трудно представить себе подобное. Это повторялось по двадцать раз в час. Тогда наставница требовала, чтобы я пересел на другой конец сада, чему я подчинялся без особой охоты. На прогулке повторялись те же сцены. По странному стечению обстоятельств в дортуаре я занимал кровать под номером 2, а она под номером 12. Но это нисколько меня не смущало. Поскольку я не мог уснуть, не поцеловав ее, я устраивал так, чтобы,

когда все уже лежали в кроватях, все еще оставаться на ногах. На цыпочках я *направлялась* к ней. Когда наше прощание подходило к концу, иногда меня застигала врасплох наша учительница, от которой меня отделяла лишь кровать номер 1. Сперва она принимала мои объяснения, однако так не могло продолжаться вечно. Эта прекрасная женщина на самом деле любила меня, мне это было известно, и мои действия ужасно ее огорчали и удивляли. С другой стороны, поскольку мы уже не были детьми, она старалась воздействовать на наши чувства, не прибегая к наказаниям.

И на следующий же день она нашла предлог, чтобы вызвать меня одну в сад и там, взяв меня за руки, как если бы она была моей сестрой, начала трогательно увещевать, напоминая о сдержанности, которой требовали мораль и уважение к религиозному заведению. Я никогда не мог слушать ее без слез, настолько ее вдохновляли темы, в которых, по сути, не было ничего человеческого.

У меня достаточно жизненного опыта, и я могу утверждать, что это была возвышенная натура. Ручаюсь, что, если бы самый скептический человек в мире пожил рядом с этим настолько неземным, настолько чистым, настолько истинно христиански настроенным существом, он бы почувствовал себя просто обязанным восхвалять религию, способную порождать подобные характеры. Мне ответят, что это редкость: да, к несчастью, я это знаю; но от этого ими еще больше восхищаешься, и если всем не дано достичь подобного совершенства, то кто осмелится этого от них требовать?

Святая и благородная женщина! Воспоминания о тебе поддерживали меня в трудные часы моей жизни!! Они являлись мне в минуты заблуждения, подобно небесному видению, дающему мне силы и утешение!!

Скромная и смиренная, но возвышенная душой, сестра Мари дез Анж старательно избегала любых разговоров о своем известном многим знатном происхождении. Она была дочерью генерала, долгое время занимавшего дипломатический пост и сделавшего блестящую карьеру, но рано отказалась от будущего, которое сулили ей его имя и состояние, посвятив себя исключительно заботам о бедных и больных. Ее обширные и необычные для женщины познания заставили начальство назначить ее главой педагогического института в Д. Мало сказать, что ученицы ее любили. Все ее обожали. Поэтому даже легкие упреки с ее стороны в наш адрес были редкостью; ее желания были для нас приказами, которые мы исполняли еще до того, как они были сформулированы.

Инспектора хорошо ее знали, поэтому их посещения были редкими и, как правило, краткими.

Распорядок дня для учениц выпускного класса строился следующим образом: утром, – как летом, так и зимой, – всех поднимали в пять часов. В шесть часов – церковная служба, либо в часовне, либо в приходской церкви, расположенной в пяти минутах от заведения.

В семь часов начинались занятия и продолжались до восьми, когда всех приглашали на завтрак. В девять часов занятия возобновлялись. По утрам

мы упражнялись во французском языке, в стиле, в сочинениях и в географии.

В одиннадцать часов обед, потом перемена для молодых пансионеров и экстернов. За это время мы едва успевали выполнить утренние задания. С часа до половины пятого мы занимались математикой, чтением и французским языком. Некоторые дни были отведены для занятий вокальной музыкой и рисунком. Начиная с пяти часов, мы были свободны, однако продолжали работать, и надо сказать, что это не было для нас в тягость. Мы не теряли ни минуты. Если получалось так, что мы опережали программу обучения, мы пользовались этим либо для того, чтобы заняться шитьем, либо для разрешения новых сложных вопросов. Вот почему мы добивались быстрых успехов. Мое отвращение к рукоделию все усиливалось. Иногда я спрашивал себя, как бы я поступил, если бы однажды мне пришлось признаться своим ученицам в полной неспособности к этому. Пока мои подруги совершенствовались в подобных занятиях, я предавался своему любимому развлечению, то есть чтению.

Летом, если погода позволяла, после ужина мы отправлялись на прогулку по берегу моря. Нас сопровождали монашки, которые нам нисколько не докучали. У стен нашего заведения, отделенный от него всего лишь земляной насыпью, простирался огромный, почти всегда пустынный пляж. Разбушевавшаяся стихия частенько обрушивала на эту дикую часть побережья сильнейшие ураганы, после которых оттуда открывался особенно

великолепный вид. В этой пустынной местности нередко громыхали воистину устрашающие грозы, которые даже представить себе трудно.

Однажды я *присутствовала* при подобном ужасном зрелище, забыть которое не в силах и по сию пору.

Это было где-то в середине июля.

Днем стояла изнуряющая жара. Ни малейшего дуновения свежего ветерка не ощущалось в воздухе, который даже к вечеру оставался знойным. Как обычно после ужина мы вышли на часовую прогулку по земляному валу. В этот момент все вокруг резко переменилась. С моря внезапно подул сильный ветер, а на горизонте появились черные тучи.

Стало ясно, что вскоре разразится буря.

Я торопился вернуться домой, потому что с тех пор, как я прибыл в Д., гроза вызывала во мне страх. Однако до того дня ничего подобного переживать мне не случалось. Текла опиралась на мою руку, дрожавшую, несмотря на все мои усилия это скрыть.

Мы уже собирались в обратный путь, когда ужасная вспышка буквально пригвоздила меня. Небо разверзлось, извергнув молнию, которая упала в нескольких метрах от того места, где мы находились, однако не оставив после себя никакого следа.

Я *была* в ужасе. Однако ураган еще не набрал полную силу.

К полуночи его мощность увеличилась. Молнии сверкали одна за другой, все быстрее, освещающая дортуар, так что горевший там ночник был совершенно лишним.

Никто не спал. Две монашки, отодвинув занавески на кроватях, вслух читали молитвы, которые повторяли некоторые мои подруги.

Монотонные звуки этих голосов, смешанные с нарастающими раскатами грома, были невыразимо тоскливыми.

Накрыв голову одеялами, я дышал с трудом. Чувствуя, что больше не выдержу, я немного вывободился и посмотрел вокруг.

Ученица, находившаяся рядом со мной, была не так напугана, она встала и подошла, чтобы меня успокоить.

Когда пугающий свет озарил все помещение, я схватил ее за руку.

Затем тотчас же последовал грохот, подобного которому мне не приходилось слышать никогда.

В то же время окно над моей кроватью с шумом распахнулось. В полном смятении и тоске я вскрикнул, и мой крик в этой обстановке прозвучал как предвестник настоящего несчастья.

До того, как кто-либо успел понять, что происходит, я перескочил, сам не знаю как, через кровать, отделявшую меня от моей наставницы.

Как будто пораженный электрическим разрядом, я упал вне себя на руки сестры Мари дез Анж, которая не смогла высвободиться из моих неожиданных объятий.

Ее руки обвивали мою шею, в то время как моя голова с силой прижималась к ее груди, прикрытой лишь ночной сорочкой.

Когда первый испуг прошел, сестра Мари дез Анж тихонько напомнила мне, что я не одет. Конечно, я не думал об этом, но сразу все понял.

Я была вся охвачена непонятными ощущениями и сгорала от стыда.

Мое положение невозможно было описать.

Возле кровати стояло несколько воспитанниц, они смотрели на эту сцену и объясняли мое нервное возбуждение исключительно страхом... Теперь я не решался ни встать, ни взглянуть на внимательно рассматривавших меня девушек. Мое искаженное лицо было мертвенно бледным. Мои ноги подгибались.

Охваченная жалостью, моя чудесная наставница пыталась приободрить меня. Я упала на колени, положив голову на кровать. Моя наставница попыталась приподнять ее одной рукой, положив другую на мой лоб. Я почувствовал, что эта рука обжигает меня.

Я резко отстранил ее и прижал к губам с незнакомым мне доселе ощущением счастья. В любое другое время она бы упрекнула меня за эту фамильярность, которой она никогда не переносила. Однако она только убрала руку, попросив меня вернуться на свою кровать.

Охваченный чувствами, которые трудно описать, я уже не слышал глухих раскатов продолжавшейся грозы. Я вернулась на место, не решаясь взглянуть на свою наставницу. У меня в мыслях царила полная сумятица. В моем воображении беспрестанно прокручивались пережитые мною ощущения, и я терзалась ими, как будто совершила преступление... Это можно понять, учитывая, что тогда я совершенно не разбирался в жизни. Чувства, волнующие людей, были мне совершенно неведомы.

Я всегда жил в определенном окружении, меня воспитывали таким образом, чтобы оградить от познаний, которые, несомненно, могли бы сделать меня несчастным и погубить. Случившееся не стало для меня откровением, но лишь заставило меня страдать.

Часто я чувствовал колебания, отправляясь к святому причастию после ночей, когда меня посещали странные видения. Но могло ли быть иначе? После того происшествия моя природная сдержанность в присутствии моих подруг еще увеличилась. Могу привести тому один пример, который никого не скомпрометирует.

В течение всего лета ученицы, любившие морские купания, предавались этим полезным для здоровья упражнениям под присмотром монашки. Я же постоянно отказывался идти с ними.

Нам уже давно обещали экскурсию в Т., расположенный в наиболее живописной части острова. Наконец этот день настал. Нужно было пройти пешком, по меньшей мере, пять километров, и столько же обратно. Это путешествие предназначалось только для педагогического класса, ибо остальные ученицы были слишком малы. Поскольку в Т. также находилось религиозное заведение, похожее на наше, мы должны были там заночевать, что делало нашу прогулку еще более заманчивой.

Стоял август. Чтобы избежать путешествия по сильной жаре, мы вышли в путь в пять часов утра. Нас сопровождали начальница и две монашки. Нам предстояло пересечь болотистую местность, где растительность никак нельзя назвать обильной.

Всюду песок, что придает этим краям сходство с унылыми пустынями Африки.

Конечно, никто не помышлял об усталости, однако когда мы подошли к дюнам, то под ногами уже не было твердой земли и идти по этой зыбкой почве не представлялось возможным.

С каждым шагом ноги проваливались по щиколотку. Мы решили идти босиком. Моих подруг охватило безумное веселье. Всем известно, что оно передается, но в мои намерения не входило присоединиться к ним.

Этот радостный и искренний смех благотворно действовал на меня, но все же, помимо своей воли, *я чувствовала* зависть.

Время от времени я склонял голову под грузом печали, которую мне никак не удавалось преодолеть. Мой ум занимало лишь одно. *Я чувствовала*, что меня терзает неведомая болезнь.

В Т. нас встретили очень гостеприимно. Добрые сестры, жившие в одиночестве и предупрежденные о нашем приходе, приняли нас с распростертыми объятиями.

К делу подключилась вся деревня, и нам подготовили чрезвычайно радушный прием.

На завтрак нам подали свежее молоко, яйца и варенье, которым мы в полной мере воздали должное.

После завтрака мы отправились в сад.

На первом и единственном этаже заведения располагался большой класс, ради нас преобразованный в просторное походное ложе. На пол постелили матрасы и одеяла. Этого было более чем

достаточно для стоявшей тогда теплой погоды. Была сильнейшая жара. Я, как и мои подруги, попытался поспать несколько часов, чтобы восстановить свои силы.

Можете сами догадаться, насколько глубоким был мой сон, поскольку его постоянно прерывали зевки или смех учениц. Я и сейчас вижу эту картину.

Полуодетые, лежа бок о бок на наших импровизированных ложах, мы являли собой весьма живописное зрелище. Я не имею в виду себя (естественно).

Под легкими одеждами тут и там угадывались великолепные формы, которые время от времени неосторожные движения открывали моему взору.

Когда я уношусь в это далекое прошлое, мне кажется, что это было во сне!!! Сколько подобных воспоминаний живут в моем воображении!!!

Если бы я написал роман, я мог бы, обращаясь к памяти, создать самые драматические, самые трогательные страницы, о которых не мечтали ни Александр Дюма, ни Поль Феваль!!! Конечно, мое перо нельзя сравнивать с драматическим мастерством этих писателей. Но все-таки не стоит забывать, что я описываю свою собственную историю, причем мои приключения были связаны с самими почтенными людьми, и я никогда не решусь указать на роль, которую они в них невольно сыграли.

Что за участь мне выпала, о, Боже мой! И что за мнение составят обо мне те, кто шаг за шагом проследит за моей невероятной судьбой, подобной которой не было назначено, кроме меня, кажется, еще ни одному живому существу!

Как бы суров ни был приговор, ожидавший меня в будущем, я все же хочу исполнить свою нелегкую задачу.

Вечером того же дня мы отправились осматривать окрестности Т. Ничто не может с ними сравниться.

Деревушка буквально вся погружена в океан вечнозеленых растений, глубокие корни которых веками прорастали в песчаных холмах, называемых дюнами.

Огромный сосновый лес простирался вдоль берега, как преграда, защищавшая местность от моря и от песков, которые, образуя гигантской высоты наносы, представляли собой поистине величественное зрелище.

Рассматривая их в подзорную трубу с самой высокой точки леса, которую называли Обсерваторией, можно было принять их за гигантские серебряные изваяния, особенно когда их освещали солнечные лучи. Мы находились по меньшей мере в четырех километрах от великолепного пляжа, который называли Голова Дикаря. Это была для нас земля обетованная. И мы собирались отправиться туда завтра утром.

Вопреки нашему желанию, ночь тянулась слишком долго.

Поскольку религиозное заведение Т. не могло вместить всех нас, то нескольких воспитанниц решили отправить к услужливым соседкам, которые были счастливы приютить нас. Я был в их числе. В наше распоряжение были предоставлены кровати чистоты необыкновенной. В помещении, где я находился, их было три. Нас же было девять человек.

К счастью, кровати оказались широкими. Мы могли спокойно спать на них, хотя каждой досталась лишь треть кровати.

Не буду даже и упоминать о том, как я провел эту ночь!!!

С рассветом нам нужно было отправляться в путь.

Наспех одевшись, мы перекусили, запивая еду холодным молоком.

Добрые монашки приготовили нам провизию, которую погрузили на ослов, предоставленных нам для этого путешествия.

На лесной опушке, на пригорке, который как будто возвышается надо всеми океанскими просторами, находится большой каменный крест. Нет сомнения, что многие поколения моряков преклоняли колени на этих поросших мхом ступенях! Сколько матерей проливали здесь слезы, вспоминая о своих пропавших сыновьях!

Именно там, под чистым небом, мы совершили утреннюю молитву. Сестра Мари дез Анж читала молитвы своим проникновенным, исполненным великой веры голосом. Я стоял на коленях напротив нее и не могу передать, что за чувство охватило меня, когда я смотрел на ее ангельское личико, отмеченное печатью невыразимой нежности и глубокого покоя, свойственного этой девственной душе. Молитвенную тишину прерывал лишь шум прибоя.

Это было нечто воистину великое, полное подлинной поэзии!

У меня лились слезы, а мои подруги в это время повторяли священные слова!

Моя добрейшая наставница была поражена моим угнетенным видом и участливо поинтересовалась моим здоровьем, опасаясь, как бы это путешествие совершенно меня не изнурило. Я успокоил ее как мог, желая избежать разных подробностей и вопросов, на которые у меня не было ответа.

Мы отправились в путь. Как и накануне, для ходьбы нам пришлось снять чулки и башмаки, поскольку песок становился все более глубоким и, следовательно, более зыбким. Иногда мы проваливались по колено, и некоторые падали в нелепых позах, что заставляло нас развеселиться и забыть об усталости от этого изнуряющего похода.

Жара все усиливалась. Мы ускорили шаг, дабы поскорее иметь возможность отдохнуть, в чем некоторые из нас уже сильно нуждались.

Мы были уже близко. Песок обжигал нам ноги. Жажда чувствовалась все сильнее, тем более что теперь у нас перед глазами простирались серебристые волны океана.

Чудесное зрелище, представшее нашим взорам, невозможно описать: для этого требуется перо более изощренное, нежели мое.

Было уже поздно. Немного отдохнув на песке, мы решили утолить голод, который усиливал свежий морской ветерок.

Мы разложили на пляже нашу провизию, и каждая воздала ей должное. Мы подумали обо всем, однако забыли про воду. Где найти ее в этой раскаленной пустыне? Я вызвался всех спасти. Со мной на поиски источника отправились две мои подруги.

Прошло больше часа, прежде чем мы его нашли. И увидев его, обезумели от радости.

Я *отодвинула* скрывавшие родник растения и бросилась на землю, чтобы утолить терзавшую меня ужасную жажду. Удовлетворив эту насущную потребность, мы стали думать о возвращении. Нас уже давно ждали и приветствовали воистину торжествующими криками. Нетерпеливые руки вырывали у нас сосуды, даже не думая поблагодарить.

Одна ученица прошла вперед по пляжу и опустила ноги в воду.

Всех неожиданно озарило!

Все мгновенно сбросили с себя верхнюю одежду и, закатав юбки до талии, бросились в эти благодатные волны.

Наши учительницы в сторонке сделали то же самое.

Море быстро поднималось. Нескромные волны порой касались тех мест, которые хотелось защитить от проникновения влаги! Тогда следовал безумный взрыв смеха! И только я наблюдал за этим купанием со стороны. Кто же мешал мне принять в нем участие? Тогда я бы не сумел на это ответить. Чувство стыда, которому я подчинился почти помимо своей воли, вынуждало меня остаться в стороне, как если бы я боялся, забавляясь вместе с остальными, оскорбить взгляды тех, кто называл меня своей подругой, своей сестрой!

Конечно, они и не подозревали, что за бурные чувства волновали меня при виде этого раскрепощенного поведения, столь естественного среди

девушек-ровесниц! Самым старшим из них было двадцать четыре года. Мне было девятнадцать, а многим еще и этого не исполнилось. Некоторые были очень милы, однако не отмечены какой-то особой красотой.

К четырем часам небольшая процессия вернулась в Т. Нас уже ждал обед. Мы сильно устали, однако нам предстояло еще проделать долгий путь, чтобы вернуться в симпатичный загородный домик.

Мы быстро проделали эту дорогу, благодаря нашему желанию восстановить силы долгим ночным сном. Лично я в этом действительно нуждался, и можно догадаться, что терзавшие меня ощущения нисколько не прибавляли мне сил.

Хотя мне об этом и не говорили, я замечал, что мое состояние вызывает беспокойство. Наука не могла объяснить мои бессознательные тенденции, вот почему, естественно, все думали, что меня подтачивает некий недуг.

Впрочем, наука не способна творить чудеса, и еще меньше – предсказывать будущее... Но меня довольно долго заставляли следовать особой диете. Бедная сестра, занимавшаяся лекарствами, пыталась найти все новые средства, однако каждая ее попытка оканчивалась полной неудачей.

Настала пора каникул, которая совпадала с экзаменационной. В этом году мне также пришлось принять в этом участие. Вот уже два года как я был в Д. Для молодых кандидаток это воистину тревожная пора. Я же чувствовал ко всему полное безразличие, хотя речь шла о моем будущем.

Мы отправились в Б. в сопровождении начальницы. Она представила нас господину инспектору учебного округа, который произнес перед нами речь о нравственности, приличествующую торжественному моменту. Экзамен должен был состояться в залах префектуры. На следующее утро в восемь часов они были уже заполнены, и начался письменный экзамен.

Результаты стали известны лишь в полдень.

Из восемнадцати кандидатов на свидетельство о профессиональной пригодности я занял первое место. То же самое положение я сохранил до окончания всех экзаменов и, к своей чести, должен сказать, что никто мне не завидовал, поскольку все ожидали именно этого.

Моя мать сияла от счастья, но определенно ни один человек не радовался этому больше, чем мой почтенный благодетель, мсье де Сен-М. Он больше соперничал моему успеху, чем если бы этого добился его собственный ребенок.

Когда я расставался со своими милыми подругами, у меня болезненно сжалось сердце. Покидая небольшой дом в Д., я ощущал ужасную тоску.

Это было нечто вроде смутного неопределенного предчувствия того, что ожидало меня в будущем.

Может быть, в этих стенах я оставил покой, непоколебимое спокойствие, которое дает чистая совесть?

Может быть, в мире мне предстояла борьба с самыми различными врагами? И как мне удастся выйти из этой схватки?

Я вновь занял в Б. свою скромную комнату и приступил к своим прежним обязанностям у мсье де Сен-М., ожидая, пока инспектор предложит мне пост. У меня были с ним прекрасные отношения.

Он всегда относился ко мне благосклонно. Это был человек редкий и воистину достойный возложенных на него деликатных обязанностей, которые он исполнял со старанием, делавшим честь народному образованию.

Так прошло несколько месяцев, а затем из префектуры мне пришло приглашение явиться в контору учебного округа. «Дитя мое, – радостно сказал мне инспектор, – я думаю, что вы будете довольны. Я хочу предложить вам должность в хорошо известном мне пансионате, где, не сомневаюсь, вам очень понравится. Мадам А. наделена редкими талантами и в то же время исключительным благородством. Если условия, которые она предлагает в своем письме, покажутся вам приемлемыми, то сразу же напишите ей ответ. Я же со своей стороны представлю вас ей».

Это предложение сразу же меня заинтересовало. Я посоветовался со своей матерью и мсье де Сен-М., которые одобрили мое решение; оба они видели здесь все необходимые условия для благоденствия.

Я написал этой даме, которая ответила, что ждет меня с распростертыми объятиями. Мне было девятнадцать лет, и всем известно, что до двадцати одного года я имел право занимать должность лишь помощника учительницы. Таковы требования закона.

Поскольку каникулы подходили к концу, я отправился в путь в Л., главный город округа, находящийся на границе моего департамента. Я прибыл туда глубокой ночью.

Мать мадам А. встретила меня у выхода из машины и горячо обняла, давая мне понять, что она человек открытый и доброжелательный.

Я считаю необходимым рассказать о ней.

Мадам П. овдовела несколько лет назад, у нее было четыре дочери, старшая из которых была религиозна и ушла в Сакре-Кер; вторая, мадам А., занялась образованием и вместе со своей младшей сестрой, мадмуазель Сарой, возглавляла пансионат в Л.

Мое присутствие стало необходимым вследствие замужества мадам А. Недавно она вышла замуж за пожилого учителя, который сам также преподавал в местном пансионе. Поскольку молодая женщина лишь изредка имела возможность отлучаться из дома своего мужа, она решила подыскать себе замену и помощницу своей сестре Саре. Поскольку последняя не была официально назначена на должность, она не могла одна возглавлять какое бы то ни было учебное заведение. В доме насчитывалось примерно семьдесят воспитанниц, из которых тридцать были пансионерками. Как и обычно, внутренним распорядком занималась мадам П., которая решала все вопросы с проворством опытной хозяйки. Мы же с Сарой должны были заниматься исключительно обучением.

Поскольку мадмуазель П. уже давно привыкла к руководству сестры, дававшей ей полную власть,

она отнеслась к моему появлению несколько предвзято. Вот почему, в отличие от своей матери, она приняла меня немного смущенно и даже холодно. Я чувствовал, что она меня внимательно изучает. Она следила буквально за каждым моим жестом. Однако к концу обеда между нами тремя установилось полное доверие.

Они были поражены моей болезненной бледностью. Меня начали дружески расспрашивать о моем здоровье, и мадам П., затронув самые интимные подробности, взяла с меня обещание считать ее отныне своей второй матерью. Она сказала, что была бы счастлива, если бы мы с Сарой полюбили друг друга как сестры.

Поскольку я ужасно *устала*, Сара сама проводила меня в мою комнату, находившуюся рядом с ее спальней. Там она решилась меня поцеловать, и тем самым чрезвычайно меня к себе расположила.

Оставшись *одна*, я искренне *поздравила* себя с выпавшим мне счастьем. Все предсказывало мне, что я буду *счастлива* в этой прекрасной семье, ибо меня уже считали практически ее членом.

До начала занятий оставалось еще восемь дней. У Сары была еще одна сестра, о которой я пока не рассказывал, но с которой я собирался познакомиться на следующий день. Она была замужем за коммерсантом и жила на соседней улице, поэтому частенько навещала свою мать.

Сравнивая ее со своей новой подругой, я заметил, что в физическом плане она ее существенно превосходила. Иссиня-черные волосы обрамляли

ее немного бледное, с легким розовым оттенком лицо. На широком лбу расположились красиво изогнутые брови, подчеркивавшие прекрасные сияющие выразительные глаза; представьте себе также очаровательный ротик, который украшали блестящие жемчужины, и вы получите портрет этой чрезвычайно привлекательной, если не сказать совершенной особы. Прибавьте к этому роскошную фигуру, излучавшую всем своим видом силу, здоровье, счастье цветущего супружества, и вы сумеете хотя бы приблизительно представить себе силу очарования этой молодой женщины, которая произвела на меня воистину неизгладимое впечатление.

В лице же Сары отсутствовали как изысканность, так и величие. В ней не было ничего примечательного, привлекавшего взгляды. На ее губах беспрестанно блуждала какая-то ироническая улыбка и придавала ее чертам некоторую жесткость, смягчавшуюся порой взглядом, в котором читалась ангельская невинность не познавшего себя существа. Она была ниже среднего роста, и ее фигура на посторонний взгляд могла показаться немного полноватой. Если присмотреться, в ней можно было угадать натуру неудержимую, огненную, которую ревность могла бы толкнуть на крайности.

Сару воспитала мать, чьи религиозные принципы доходили порой чуть ли не до самоистязания, поэтому она была по-настоящему верующей, но ее набожность была просвещенной, лишенной того излишнего ригоризма, который она частенько с сожалением замечала у других.

Тогда ей было примерно восемнадцать лет. Даже тень дурных мыслей ни разу не омрачала покоя ее чистой души. В этот день началась наша дружба, которая вскоре переросла в настоящую привязанность.

Будучи доброй от природы, Сара окружила меня многочисленными заботами, свидетельствовавшими о ее великодушии. Я стала ее *наперсницей* и лучшей *подругой*.

Вместе мы ходили проведать мадам А., которая на самом деле была очень достойной женщиной.

Судя по ее внешности, она много страдала. Хотя ей было чуть за тридцать, казалось, что ей уже не меньше сорока лет. Она немного горбилась, как будто изнутри ее постоянно подтачивал недуг. Ее впалые щеки были порой бледны как у трупа, что удивительным образом контрастировало со спокойным смирением, отмечавшим ее усталые черты. Всегда, при любых обстоятельствах она оставалась ласковой. Ее настроение никогда не менялось. В выражении ее лица читалось нечто в высшей степени серьезное и благородное, в сочетании с пленительной добротой, вот почему воспитанницы буквально боготворили ее.

Мадам П. отдавала ей явное предпочтение. Эта дочь была вылитым портретом своего отца, и она страстно ее любила. Мадам А. превосходила своих сестер как в уме, так и в образованности. Поэтому вполне понятно, что ее мать ею гордилась и никогда не принимала серьезных решений, не посоветовавшись с нею.

Мадам А. не дала мне никаких инструкций в отношении проведения занятий, полностью доверившись мне. Так что в этом плане я получил полную свободу действий.

До того момента все, что я видел в Л., мне явно нравилось. Но фигура местного кюре стала исключением. Мое положение обязывало меня нанести ему визит перед тем, как приступить к своим обязанностям.

Я отправился к нему с мадам П. Во время этого краткого разговора я увидел в этом человеке врага, который мог в будущем оказаться опасным. И я не ошибся. Это был довольно хилый на вид старичок, худой, костлявый, с провалившимися мрачно поблескивавшими глазами, внушавшими ужас и отвращение. Он изъяснялся кратко, резко и можно сказать, насмешливо, однако не вполне убедительно. Его улыбка была фальшивой и недоброжелательной. Странно, но женская часть местного населения буквально преклонялась перед ним, и это несомненно можно было объяснить тем, что, прибегая к безжалостным, внушающим отчаяние моральным установкам, совершенно противоположным тем, которые определил нам Владыка небесный, он сумел подчинить себе эти робкие забитые души.

Но зато его искренне ненавидели все мужчины, и он это прекрасно знал.

К счастью, подобные священники встречаются редко, что, безусловно, является серьезным доводом в пользу христианской религии, проповедующей любовь и всепрощение.

Вернувшись домой, я поделился своими впечатлениями с Сарой, которая не особенно удивилась.

«Камилла, – сказала мне моя подруга, – только не говорите об этом маме, иначе она вас сразу разлюбит. В ее глазах аббат Х. – святой. На моих сестер он уже давно не имеет никакого влияния к большой радости их мужей. Их духовным наставником является приходской кюре соседнего селения. Если бы я не боялась навлечь на себя упреки матери, я поступила бы так же. Но здесь она на уступки не пойдет».

В следующие дни я осматривал окрестности. У мадам П. были обширные владения, причем все находилось в прекрасном состоянии. Она была неутомимой труженицей и все делала сама, не прибегая к помощи своих зятьев.

Очень редко рассвет заставал ее в постели.

Все свое время она проводила в заботах, занимаясь садом, птичьим и скотным дворами. Никогда она не переключалась на служанку даже самую тяжелую работу. Именно в постоянном труде и заключалась ее жизнь.

Иногда ей нужны были какие-то овощи. Если стояла хорошая погода, она звала нас с Сарой. «Дети мои, сходите-ка в Гере, и принесите мне то-то». И мы весело отправлялись туда, держась за руки. Гере – это принадлежавший ей огромный сад, в четверти часа ходьбы от дома, у входа в который находилась очаровательная увитая зеленью беседка. Это было нашим любимым местом прогулок. Сколько незабываемых часов провели мы там!

Эта деревенская жизнь заключала в себе бесконечное очарование! Я чувствовал, что буквально возрождаюсь среди этой пышной растительности, на этом чистом и живительном воздухе, который я вдыхал полной грудью.

Навсегда ушедшая счастливая пора!

Наступило 1 ноября 185..., когда в пансионате начинался новый учебный год.

На следующий день мы с Сарой повели всех наших учениц к торжественной мессе.

В церкви Л. было устроено возвышение, средняя часть которого была отведена для мужчин, в правой же части располагались мы.

Она была отделена от остального помещения сооружением из досок, дабы сделать невозможным любое общение.

Я *приступила* к своим обязанностям. Мне предстояло заниматься самыми способными ученицами. Сара же заботилась о младших. Мадам А. немало помогала мне. Каждый день она регулярно навещала в пансионат, где проводила час утром и час вечером. В действительности это заведение возглавлял я, по крайней мере, в той части, что касалась обучения, ибо остальное меня ничуть не заботило. Сара со своей матерью встречались с родителями и обговаривали с ними все условия. Это была настоящая каторга, и я *была счастлива*, что мне удалось ее избежать.

Наши пансионерки занимали два смежных дортуара: здесь я также должен был наблюдать за старшими ученицами, некоторым из них было от четырнадцати до пятнадцати лет.

Только легкая перегородка отделяла мою кровать от кровати Сары. У наших ног находилась небольшая дверца, которая никогда не закрывалась.

И оба дортуара освещал один ночник.

Совершив молитву и уложив учениц, мы с моей подругой часто подолгу беседовали. Я *подходила* к ее кровати, и для меня было настоящим счастьем заботиться о ней, подобно тому, как мать заботится о своем ребенке. Постепенно у меня вошло в привычку раздевать ее. Если же она даже одну шпильку вынимала без моей помощи, я *чувствовала* почти что ревность! Скорее всего, эти детали покажутся излишними, однако они необходимы.

Уложив ее на постель, я вставал рядом с ней на колени, прижимаясь щекой к ее лицу. Вскоре ее глаза закрывались под моими поцелуями. Она засыпала. Я с любовью смотрел на нее, не решаясь разбудить, однако она просыпалась.

«Камилла, – говорила она мне, – прошу вас, идите спать, вы простудитесь, к тому же уже поздно».

В конце концов, ее просьбы убеждали меня, и я тихо *уходила*, на прощания еще раз прижав ее к своей груди. С Сарой меня связывала не дружба, а настоящая страсть.

Это была не любовь, но истинное обожание!

И подобные сцены повторялись каждый день.

Часто я просыпался среди ночи. Тогда я тайком пробирался поближе к моей подруге, твердо пообещав себе не тревожить ее ангельский сон, но возможно ли было смотреть на это милое лицо и не прижаться к нему губами?

В результате после беспокойной ночи я часто с трудом просыпался, когда звонил будильник. А Сара всегда вставала первой и подходила к моей кровати, чтобы подарить мне прощальный поцелуй!

Она торопила опоздавших, произносила молитву, а затем начинала причесывать детей. Я помогал ей в этом, но, увы! У меня отсутствовали ее ловкость, ее деликатные манеры, и поэтому дети по мере возможности старались меня избегать.

Закончив эту работу, каждая приводила себя в порядок. В это время мы с Сарой отправлялись повидаться с мадам П. Эта прекрасная женщина была очень рада, что мы с ее дочерью так сблизились, а мы взамен относились к ней с чрезвычайным вниманием. Она постоянно старалась делать нам приятные сюрпризы, потрафить нашим вкусам.

Либо же она приносила нам какой-нибудь плод, сорванный ею в своем саду, либо же лакомство, готовить которые она была мастерица!

Незадолго до восьми часов Сара поднималась в дортуар, чтобы снять пеньюар и переодеться. Я не терпел, когда она делала это без меня. Мы оставались одни. Я обнимал ее, с невыразимым счастьем лаская ее чудесные вьющиеся локоны, прижимаясь губами то к ее шее, то к прекрасной обнаженной груди!

Бедное милое дитя! Сколько раз она, по моей вине, заливалась краской удивления и стыда! Ее рука отстраняла мою, а ее светлые прозрачные глаза внимательно смотрели на меня, как будто

пытаясь найти причину поведения, которое казалось ей чуть ли не бесстыдным, и это было действительно так.

Порой на нее нападало оцепенение.

И действительно сложно представить себе что-то иное.

Прошло некоторое время со дня моего приезда в Л. Однажды, прекрасным зимним днем мы решили отправиться в небольшую хижину, находившуюся приблизительно в двух километрах. Желая провести там свой выходной день, мы вышли в путь сразу после завтрака. Сара дала мне руку. Перед нами самозабвенно веселились ученицы. Мы пришли в небольшой дубовый лесок, на опушке которого по камням бежал бурный, ставший более полноводным после недавних дождей ручеек.

Моя подруга уселась на пригорок, откуда можно было легко наблюдать за нашей беспокойной группой. Я *уселась* рядом с ней, с книгой в руке, и мой взгляд рассеянно скользил по знакомым местам, а затем останавливался на моей подруге. С самого утра она немного дулась на меня. Однако, несмотря на все ее усилия, мне удалось вызвать у нее улыбку, которую я ей *вернула*, подкрепив поцелуями.

От движения ее прическа растрепалась, и волосы, распустившись, упали на мои плечи и лицо. Я прижался к ним своими горячими губами!

Меня охватило сильнейшее волнение! Сара заметила это. «Камилла, прошу вас, – сказала она, – что с вами? Вы больше не доверяете своей подруге? Ведь я люблю вас больше всех на свете!» –

«Сара, – воскликнул я, – я люблю тебя всем сердцем, я никогда никого еще так не любил. Но я не знаю, что со мной происходит. Я чувствую, что отныне наши отношения меня уже не удовлетворяют! Мне нужна вся твоя жизнь!!! Порой я завидую участи того, кто станет твоим супругом».

Пораженная моими странными словами, Сара испугалась, о чем свидетельствовала ее крайняя бледность.

Однако она объяснила их чувством повышенной ревности, свидетельствующей о моей высшей привязанности, и не попыталась придать им невероятный смысл. Впрочем, она заметила, что я могу привлечь внимание наших воспитанниц, и это было мне понятно. Пожатие ее руки доказало мне, что я *прощена*. Тем не менее, спокойствие этого создания, до той поры такого чистого, было ужасным образом поколеблено!

На обратном пути мы молчали.

Я *чувствовала* грусть, растерянность... Порой сочувственная улыбка моей подруги заставляла меня забыть ужасные противоречия, терзавшие мою душу!..

Вскоре к моим душевным недугам прибавились ужасные физические страдания. Эти мучения были настолько велики, что порой я думал, что моя жизнь подходит к концу.

Это были непонятные невыносимые боли, которые, как я потом узнал, таили в себе роковую опасность. Она миновала меня чудом! Я призвался в этом Саре, и она настоятельно рекомендовала мне обратиться к врачу, в противном случае

угрожая сообщить об этом своей матери, но я упорно отказывался.

Эти боли начинались в основном по ночам и доходили до такой степени, что я и крикнуть был не в состоянии. Можете судить, как мне было страшно! Ведь я мог и умереть так, не издав ни единого стона!!

Я была счастлива, что у меня есть предлог, причем более чем правдивый, и просила вечером свою подругу разделить ложе со мной. Она с удовольствием согласилась. Просто невозможно описать счастье, охватившее меня, когда я почувствовал ее присутствие рядом со мной! Я обезумел от радости! Мы долго разговаривали перед тем, как заснуть, я обвивал руками ее талию, она прижималась своей щекой к моему лицу! Боже мой! В чем была моя вина? И стоит ли мне обвинять себя в преступлении? Нет, нет!.. В этом был виноват не я, но роковые непостижимые обстоятельства, с которыми бороться для меня представлялось невозможным!!! Отныне Сара принадлежала мне!!.. То, что при нормальном ходе вещей разделило бы нас навсегда в обычной жизни, соединило нас!!! Можете себе представить, если такое возможно, в каком положении оказались мы обе!

Нам было суждено все время жить как сестры, а теперь нам приходилось скрывать ото всех поразительную тайну, которая нас связывала!!! Подобную жизнь никто бы никогда не понял! Счастье, которое мы только что вкусили, вполне могло, в силу непредвиденных обстоятельств, обернуться

ужасным скандалом и сделать нас объектом всеобщего осуждения! Бедная Сара! В какое смятение она погрузилась по моей вине!

Наутро она была ужасно подавлена!!! Ее красные от слез глаза свидетельствовали о мучительной бессонной ночи.

Не решаясь посмотреть в таком состоянии в пронизательные глаза матери, она встретила с ней лишь после завтрака. Конечно, я был не столь потрясен, но тоже не находил в себе сил взглянуть на мадам П., ведь эта бедная женщина видела во мне лишь подругу своей дочери, а я был ее любовником!..

И так прошел целый год!..

Я прекрасно понимал, что будущее наше было неясным! Рано или поздно мне пришлось бы изменить этот образ жизни и выбрать себе более подходящий. Но, увы! Как найти выход из этого ужасного лабиринта? Где взять силы, чтобы заявить всем о том, что я незаконно занял место и положение, которые законами божескими и человеческими мне занимать было запрещено? Любой разум, более стойкий, чем мой, помутился бы. Начиная с этой минуты, я ни днем, ни ночью не расставался с Сарой!.. Мы предавались сладостным мечтам навсегда соединиться друг с другом перед небесами, то есть сочетаться законным браком.

Но этот план был далек от осуществления!

В нашем лихорадочном воображении рождались различные прожекты, одни более причудливые, чем другие. Несколько раз я приходил к

выводу, что бегство было единственным способом достичь желаемого результата. Сара соглашалась со мной, но вскоре испуганно отказывалась. В моих письмах к матери явно прослеживалась эта постоянно заботившая меня тема. Не посвящая в детали, я пытался осторожно подготовить ее к неизбежной катастрофе. Я загадывал ей какие-то неразрешимые загадки. Постепенно она решила, что я сошел с ума, и стала умолять меня положить конец этой ужасной неопределенности. Тогда я попытался ее успокоить, но вместо этого поверг в полную растерянность. Она находилась в неведении, поэтому вполне могла обратиться за разъяснениями к мадам П. Именно этого я и опасался. Тогда все бы пропало.

Понятно, что наши отношения с Сарой заключали в себе постоянную опасность, особенно учитывая присутствие учениц.

Хотя они ничего не могли заподозрить, мы должны были хранить сдержанность, а это было так сложно, особенно для меня!!!..

Часто во время занятий меня воодушевляла улыбка Сары. Мне бы так хотелось сжать ее в объятиях, а я вынужден был сдерживаться!

Я не мог пройти мимо нее, не поцеловав ее или же не пожав ей руку.

Летом каждый вечер мы с ученицами отправлялись на прогулку по окрестностям.

Моя подруга давала мне руку. Мы приходили в поле. Сидя на траве у ее колен, я не сводил с нее глаз, называя ее самыми нежными именами и покрывая страстными ласками...

Конечно же, какой-нибудь невидимый свидетель, присутствовавший при подобной сцене, был бы очень удивлен моими странными словами, а еще больше моими действиями!

В нескольких шагах от нас наши воспитанницы предавались радостным забавам. Мы сидели так, чтобы иметь возможность следить за их действиями, а сами в то же время были скрыты от их взглядов! Возвращались мы все время в одном и том же порядке. Иногда по дороге мы встречали либо мсье мэра, либо доктора, близкого друга семьи, который видел, как родилась Сара, и был очень к ней привязан. Они приветливо здоровались с нами, и мы были счастливы. Остальное вообразите себе сами!!!

Учитывая мое особое положение в Л., можно представить себе, каковы были мои отношения с кюре. Они были просто ужасными!!

Я пользовался исключительным, самым глубоким доверием в самой уважаемой в городе семье. Я обладал полным и непререкаемым авторитетом; кроме того, все члены этой семьи проявляли ко мне глубочайшую привязанность, и каждый день я получал тому новые подтверждения. А я обманывал их! Я сделал своей любовницей эту нежную девушку, которая была для меня подружкой, сестрой!!!...

Конечно! Теперь задним числом меня может осудить любой, кто это прочтет. Я взываю к чувствам, живущим в сердце любого сына Адама. Разве можно назвать меня преступником, разве был я

виновен в том, что в силу чудовищной ошибки занял в обществе совсем не свое место?

Я любил страстно и искренне девушку, отвечавшую мне взаимностью со всем пылом, на который она была способна! Вы можете мне сказать, что, заметив неладное, нужно было попытаться исправить все, а не продолжать злоупотреблять. Однако я попросил бы тех, кто так думает, немного поразмыслить над этой непростой ситуацией.

Любое признание, сделанное второпях, никоим образом не могло избавить меня от скандала, последствия которого совершенно точно были бы роковыми для всех, кто меня окружал. Если я и мог хранить видимые приличия довольно длительное время, то никак не мог скрыть истину от того, кто занимает место Господа, от исповедника; он же был обязан выслушивать подобные невероятные вещи, не имея права нарушить наложенное на него священными обязательствами строгое молчание. Но я столкнулся с человеком, которого можно назвать просто невыносимым! При одной только мысли о том, что я могу вызвать его гнев, я замирал от ужаса. Когда я признался ему в своей слабости, его реакция была настолько саркастической и резкой!!!

Я внушал ему не жалость, нет, а ужас, причем ужас и желание мести.

Вместо слов умиротворения на меня обрушились презрение, оскорбления! Сердце этого человека давно очерствело! И слова прощения лишь изредка слетали с этих губ, которые должны бы

источать неисчерпаемые потоки христианского милосердия, этого великого милосердия, берущего начало в душе того, кто толкует нам Евангелие, поднимая из пыли кающуюся грешницу!

Я пришел туда, чувствуя глубокое унижение, вышел же я оттуда с раной в душе, твердо решив отныне порвать все отношения с подобным наставником, чья нечеловеческая мораль могла в лучшем случае сбить с праведного пути слабую или невежественную натуру!

К несчастью все, что я сказал, чистая правда. Однако я также осмелюсь утверждать, к вящей славе католической церкви, что это, возможно, единственное исключение среди ее членов.

Ложное невероятное положение, в котором я оказался, заставляло меня еще сильнее почувствовать эту суровую непреклонность, ибо больше всего я нуждался в снисхождении.

И действительно, к великому удивлению мадам П. я внезапно оставил аббата X.; ее удивление переросло в недовольство, когда она увидела, что Сара последовала моему примеру. Однако из-за моего поступка к решению последней она отнеслась гораздо легче.

В обществе все сперва восхищались нашей с Сарой близостью, а затем стали ее критиковать, решив, что это уж слишком, если не сказать подозрительно. Однако они были весьма далеки от истины.

Не имея возможности понять, они по-всякому комментировали происходящее, и, в конце концов, несколько добросердечных кумушек, какие находятя всегда, почли своим долгом предупредить

об этом мадам П., дабы защитить мораль, которая постоянно попиралась нашим поведением в присутствии воспитанниц. Мне были предъявлены серьезные обвинения. Меня упрекали в том, что я слишком часто *целовала* мадмуазель Сару.

И действительно, мы заметили, что стали объектом пристального внимания детей, среди которых были уже довольно-таки взрослые.

Когда они видели, как я склоняюсь над своей подругой и сжимаю ее в объятиях, они смущенно отворачивались, как если бы боялись увидеть краску стыда на наших лицах. Тем более пансионерки, которые видели, как мы ложимся спать и встаем, не раз выражали удивление некоторыми деталями, несомненно, поразившими их воображение. Конечно же, они об этом говорили. Тогда начались разные пересуды. Мадам П., которая, прежде всего, опасалась за свое заведение, была этим серьезно задета.

Не решаясь поговорить со мной, она вызвала свою дочь. «Сара, – сказала она ей, – прошу тебя в будущем быть чуть сдержанней в твоих отношениях с мадмуазель Камиллой. Вы очень любите друг друга, и я этому рада, однако есть нормы приличий, которых следует придерживаться даже в отношениях между девушками». Это первое замечание заставило нас испугаться за будущее. Что будет, когда узнают всю правду!!!

Однако мы продолжали спать в одной кровати!!! Мадам П. не знала об этом, поэтому ничего на этот счет нам не говорила. Впрочем, она ни в чем таком нас и не подозревала. Эта прекрасная

женщина была настоящей праведницей, и слишком слепо нам доверяла, чтобы даже в мыслях позволить себе нас обвинить. Но обе ее замужние старшие дочери, более проникательные, чем она, думаю, не были столь уж снисходительны по отношению к нам. Однако я никогда не слышал от них ни одного упрека, их отношение ко мне оставалось чрезвычайно теплым и вежливым. Тем не менее, мне казалось, что они были заинтригованы.

Иногда у мадам П. устраивались семейные собрания, на которые меня неизменно приглашали. Дети мои, говорила нам тогда мадам П., пансионеры будут обедать сегодня чуть раньше, а вы поднимайтесь ко мне.

Если бы я *отказалась*, Сара поступила бы так же, и все это прекрасно знали. На эти встречи приглашались только сестры моей подруги и их мужья. Эти последние очень любили Сару, однако, похоже, не особенно хорошо относились ко мне. Как это объяснить?.. Однако это неприятие не было явным, и только *одна я* его чувствовала! Они всегда были чрезвычайно обходительны и постоянно намекали на замужество своей молодой невестки. Она отвечала с напускной веселостью, которую *понимала* только я!..

Она всегда сидела рядом со мной и украдкой бросала мне взгляды, которые кроме меня, никто не мог понять!!! И я всегда отвечал ей! В общем, это вынужденное положение ужасно нас тяготило и мешало нашему счастью!

Роль, отведенная мне необходимостью, иногда вызывала у меня нечто вроде угрызений совести.

Но я подавлял их в себе, дабы поддержать мою бедную Сару, отягощенную грузом стыда! Милое доброе дитя! Разве ее поведение нуждается в оправдании!.. Могла ли она отказать своему любовнику в этой нежности, которую она проявляла к подруге, к сестре, и если эта наивная любовь и переросла в страсть, стоит ли обвинять в этом кого-либо, кроме судьбы!

Во время наших чудесных свиданий ей нравилось называть меня в мужском роде, как чуть позже меня и стали определять в обществе. Мой дорогой Камилл, как я вас люблю!!! Зачем я с вами познакомилась, ведь эта любовь составит несчастье всей моей жизни!!!

Учебный год подходил к концу.

И с началом каникул нам предстояло расстаться! Два месяца вдали от Сары казались мне слишком долгими!!! Мы договорились, что я вернусь в Л. за пятнадцать дней до начала занятий. Мадам П. сама взяла с меня обещание. Несчастливая мать!!!..

Она тоже сожалела о моем отъезде! Я была ее второй дочерью! «Послушайте, мадмуазель Камилла, – сказала она мне однажды, – Саре без вас будет так одиноко! Оставайтесь с нами на каникулы. В это время года в деревне так хорошо! Скоро начнется сбор винограда, и для вас это будет развлечением». Мой отказ не задел ее, поскольку она прекрасно понимала, что я должен повидаться с матерью. Она не знала, насколько соблазнительными были ее предложения, и какую жертву я приносил, отказавшись от них!!!

20 августа состоялось вручение наград. На следующий день все пансионерки разъехались. И мы покинули дортуар и устроились в маленькой сариновой комнатке в доме, где жила ее мать; мадам П. располагалась на первом этаже.

Для нас было большим праздником получить возможность свободно насладиться последними мгновениями счастья, за которыми последовала разлука.

Увы, они прошли слишком быстро!..

Наша скромная небольшая келья была в наших глазах дворцом, который мы бы не поменяли на все сокровища мира! Колокол больше не возвещал подъем и не тревожил наш сладкий сон!!! Мы просыпались поздно!

Сара спала, положив голову на мою руку! Ее прекрасные вьющиеся волосы были разбросаны по ее обнаженным плечам! И я смотрел на нее, затаив дыхание, погрузившись в сладостное созерцание!!!

О Господи! Ты подарил мне такое огромное счастье! Так стоит ли мне жаловаться сейчас, когда я оказался в полной тьме, ведь отблески этого лучезарного прошлого все же немного облегчают мое безвыходное положение! Настало двадцать седьмое число. В этот день был назначен мой отъезд. Мы встали рано. Мадам П. пришла разбудить нас.

Внизу она приготовила для нас завтрак, к которому я даже не притронулся.

Сара бродила туда-сюда, украдкой торопливо утирая слезы, пытаясь подбодрить меня слабой

улыбкой. Ее мать, втайне от меня, приготовила мне в дорогу запасы еды, которых хватило бы на целую семью.

Я не протестовал!

У меня сильно сжималось сердце, когда я смотрел на эти гостеприимные стены, которые собирался покинуть впервые!

Мне хотелось положить конец этой сцене, которая тяготила меня. Я подошел к мадам П. «Ну хорошо, дорогая дочка, – сказала мне милейшая женщина, – не забывайте нас и поскорее возвращайтесь». Я лишь поцеловал ее, не сказав ни слова.

Мне предстояло проделать долгий путь по полям, перед тем, как выехать на большую дорогу, где я собирался сесть в экипаж. Сара провожала меня, мы были вне себя от горя.

Я с силой прижимал к груди ее руку, которую она переплела с моей!!! По меньшей мере, в двадцатый раз мы пообещали писать друг другу каждую неделю.

Экипаж прибыл: я уехал, оставляя далеко позади небольшой пригорок, за которым скрылась моя подруга!!! Мне казалось, что я навсегда покидаю родную землю!!! Вечером я уже был в Б. Впервые я ощутил нечто похожее на тоску, вновь увидев этот дом, где меня ожидали мать и мой благодетель, два любящих меня сердца! По привычке я обнял мсье де Сен-М., который был поражен переменной в моем лице. Во всем моем существе появилась какая-то повышенная чувствительность. Я заметил это еще до него, и причины были известны лишь мне...

В Б. меня ожидало множество развлечений...
Мне нужно было встретиться с разными людьми.

Но все это теперь казалось мне таким ничтожным.

Я постоянно *думала* лишь об одном.

В моем весьма недалеком будущем передо мной открывались новые горизонты!!!

Перед тем, как уехать из Л., я получил письмо от сестры Мари дез Анж. Моя бывшая учительница приглашала меня в Д. на ежегодную встречу бывших учениц педагогического института. Я пообещал обязательно присутствовать. На это у меня были серьезные причины. Где найти нужные слова, чтобы точно описать мои ощущения, когда я перешагнул порог этого благословенного убежища, где я провел столько дней! Я вернулся туда после восемнадцати месяцев отсутствия! Но сколько событий произошло за это короткое время!.. Казалось, что теперь вход в эту обитель невинности и целомудрия закрыт для меня!

Первое что я увидел, было лицо моей доброй наставницы. Оно ничуть не изменилось. На нем по-прежнему читались та же кротость, то же выражение смирения и целомудрия. Прозвучало мое имя. Она тут же подбежала с дивной улыбкой, свидетельствующей о ее радости, протягивая ко мне руки. Я прижался к ним губами!!!

Благородная женщина поблагодарила меня в простых и прочувствованных словах за то, что я откликнулся на ее приглашение.

Более сорока учительниц, которые раньше были ее ученицами, приехали из разных мест, чтобы восстановить свои силы в течение нескольких дней в молитвенном одиночестве. Поскольку начались каникулы, дом целиком отдали в наше распоряжение. Многие были мне незнакомы, другие, напротив, были моими ровесницами и в прошлом соученицами.

Я был бесконечно рад с ними встретиться.

Какой-то священник, миссионер, освящал отдых своими молитвами, которые происходили в часовне монастыря, святом убежище, которое, без сомнения, я видел в последний раз!!!..

В моей бурной, столь беспокойной жизни мне был так нужен этот молитвенный покой!

В этот момент, когда я собирался провести непреодолимую черту между своим прошлым и будущим, мне было необходимо сосредоточиться перед лицом Господа!!!

В мои планы входило открыться и все откровенно рассказать этому незнакомому исповеднику и ждать его решения! Можете вообразить его удивление, оторопь, вызванные моей странной исповедью!!!..

Я закончил! Он продолжал хранить молчание и размышлять. Мои невзгоды, мои страдания пробудили в нем самое живое сочувствие.

И я, образно говоря, вручил ему свою судьбу, сделав его своим судьей! «Дитя мое, – сказал он мне, – положение очень серьезно и мне нужно подумать, вот почему сейчас я пока не готов посоветовать вам, как вести себя дальше. Приходите

через два дня, тогда я смогу высказать вам свое мнение».

Мое волнение было велико. Я чувствовал, что вся моя жизнь зависит от его слов! Я спал плохо либо же совсем не спал. Наступил назначенный день. И вот какой совет дал мне аббат: «Я не буду говорить вам, – сказал он мне, – то, что вы и сами знаете, а именно то, что вы можете отныне обозначаться в обществе как мужчина, как вам и положено. Конечно, вы можете это сделать, но каким образом? Возможно, лишь ценой больших скандалов. В то же время вы не можете оставаться в прежнем положении, поскольку оно чрезвычайно опасно. Следовательно, мой совет вам таков: уйдите от мира и обратитесь к религии; но остерегайтесь признаваться кому-либо в том, в чем признались мне: тогда вас никто не примет в женский монастырь. Это единственный выход, который я вам могу предложить, доверьтесь мне и согласитесь».

Я ушел, ничего не обещая, потому что я не был готов к подобному решению.

Мне предлагали избежать скандала и поставить себя еще в более опасное положение, которое неизбежно могло закончиться крахом. С другой стороны, я не чувствовал ни малейшего расположения к монашеской жизни. Впрочем, я был охвачен слишком сильным чувством и был готов на все, только бы сохранить его. В подобном положении я решил ждать развития событий.

На следующий день я покинул Д. Расставаясь со своей дорогой учительницей, я был уверен, что

больше не должен с ней видеться, по крайней мере, в тех же условиях! Значит, между нами все было кончено! Вскоре пропасть должна была разделить нас! Эта мысль сильно меня печалила.

Я все еще вижу устремленный на меня ангельский взгляд, в то время как ее руки сжимали мои!!!

Боже мой! Если бы она знала, что творилось в моей душе!!

Ее невинные губы коснулись моего лба, я же припал поцелуем к ее щеке!!! Все было кончено! Я навсегда порвал со своим милым прошлым!!!

Прибыв в Б., я старательно избегал любых душевных бесед, как со своей матерью, так и с мсье де Сен-М., который по-прежнему проявлял ко мне трогательную заботу.

После завтрака я читал ему газету, приводил в порядок его деловые бумаги.

Мы непринужденно беседовали с ним, чувствуя взаимное уважение, и целиком доверяя друг другу.

Затем я переносил на бумагу свои мысли, посещавшие меня каждый день, свои впечатления, огорчения; все это предназначалось Саре, которая, в свою очередь, раз в неделю присылала мне длинное письмо, которое я жадно читал в ночной тишине. Каждое ее послание заставляло меня сократить время, проведенное в разлуке с ней! Была уже середина октября. Я пообещал мадам П. вернуться в это время, и я собирался исполнить свое обещание. Сколько времени я буду еще жить в ее доме? Я этого не знал. В любую минуту могло случиться непоправимое. Я уже заранее смирился с

этим. Чем ближе был крах, тем больше сил я в себе чувствовал! Но что будет с Сарой!

Расписание экипажей изменилось. На сей раз, я прибыл в Л. глубокой ночью. В это время меня не ждали. Мадам П. уже была в постели. Она сердечно обняла меня, и попыталась встать, чтобы приготовить мне поесть, но я сразу же отказался.

«Ну тогда, – сказала она мне, – идите отдыхать. Сара уже легла, думаю, она спит. Вы ее приятно удивите». Я не заставил ее повторять дважды. Моя юная подруга узнала мой голос.

Она ждала меня с распростертыми объятиями!!!

И этой ночью мы совсем не спали!!!..

Счастье на долгие часы заменило нам сон! Нам нужно было столько рассказать друг другу!!! И в результате наутро мы не смогли встать в назначенное время!

Мадам П. пришла к нам, открыла занавески и дружески попеняла на нашу лень.

Я хотел бы ответить в том же тоне, но я был действительно напуган. После ухода своей матери, Сара сделала поразившее меня признание! Ее душили слезы! Если ее опасения были обоснованы, то мы пропали! Над нашими головами навис дамоклов меч.

Сара уважала и боялась свою мать. Мысль о том, что ей придется краснеть перед ней, была для нее невыносима. Я порой представлял себе гнев, ярость, возмущение этой матери, узнавшей о позоре своей дочери! И это при самых невероятных обстоятельствах! Признаюсь, что я втайне

желал подобного исхода, хотя и очень его боялся. Если бы это случилось, ничто бы не могло противостоять нашему с Сарой браку! Но сколько горьких упреков мне предстояло выслушать...

В первые месяцы этого второго года ничего особенного не случилось. Монотонность нашего существования в Л. прерывалась лишь тайными страданиями любви, скрытой ото всех, ускользающей от любых человеческих ожиданий.

Я больше не поддерживал никаких отношений с кюре. Этот человек был мне ненавистен!

Хотя он часто навещался к мадам П., но никогда не посещал занятий.

Я не мог усомниться в том, что этому мешало мое присутствие. Под любыми предлогами он избегал даже обращаться ко мне.

Это меня радовало, ибо я, возможно, не сумел бы скрыть свою антипатию.

Я покинул его, вскоре и Сара поступила так же. Мне была известна его жуткая злоба.

В определенный момент он мог превратиться в ужасного врага и отомстить за мое презрение. Мне было ясно, что он ждет подходящего случая.

Желая отыграться за то, что мы им пренебрегли, он установил за нами самый неприятный вид слежки. Большая часть наших воспитанниц исповедовались у него. Его не удовлетворяло то, что он задавал им кучу вопросов личного характера, весьма двусмысленных, учитывая нежный возраст учениц; он еще и ловко добивался того, что они давали ему полный отчет о нашем поведении. Бедные дети не умели избежать этих

инквизиторских допросов и обо всем ему рассказывали, а затем передавали нам. Я воздержусь здесь от подлинной оценки подобных действий!!!..

Одно происшествие, о котором я расскажу ниже, привлекло внимание к нашему заведению. Однажды утром все население Л. было взбудоражено непонятными слухами. Когда стало известно, что одна девочка, которой едва исполнилось четырнадцать лет, оказалась беременной и родила, удивление достигло предела. Эта девочка была нашей ученицей. Однако за ней не было замечено ничего такого, что могло бы помочь определить имя виновника.

Дом ее родителей, где она жила, располагался почти по соседству с нашим, и мы часто ее видели. Узнав эту новость, мадам П. разразилась громкими криками. Подобные вещи ее просто пугали, она была к ним до смешного чувствительна.

Эта душа, иссушенная убогой моралью, проповедуемой аббатом, была не способна простить заблуждения страсти.

Всем понятно, что этот инцидент заставил меня серьезно задуматься о возможных последствиях моих отношений с Сарой. Поведение же девушки еще подчеркивало странность этого события. Она постоянно отказывалась назвать имя виновника, и ее упорство невозможно было преодолеть. Ее лечащий врач видел, как она родилась, однако и он тщетно пытался получить признание. Все было бесполезно!!!

Она сказала врачу, что отцом ее ребенка был какой-то коммивояжер. Подобное объяснение

было довольно расплывчатым, однако семье пришлось им удовлетвориться. Спустя некоторое время они вместе с отцом и матерью покинули эти места.

В семье моей подруги также готовились перемены. Ее сестра, мадам А. собиралась уехать со своим мужем, которому предложили новый пост в соседнем департаменте. Для ее матери это было настоящим горем, ибо она боготворила свою дочь. И в то же время это было причиной серьезных проблем, ибо, хотя я и возглавлял пансионат на самом деле, в глазах начальства учебного округа за него по-прежнему отвечала мадам А.

Я же еще не достигла совершеннолетия и, следовательно, без особого разрешения, не могла принять на себя руководство этим учреждением. Мадам П. долго со мной об этом беседовала. Она мечтала однажды полностью передать это заведение под мой контроль. Я ей нисколько в этом не противоречил. Просто я уже представлял себе день, когда ее планы неизбежно рухнут!!!..

Но в тот момент я должен был принять ее предложение.

Мне нужно было просить у г-на инспектора учебного округа разрешения сменить мадам А. на посту начальницы пансиона до того времени, когда я получу законное право занимать эту должность. Как я уже говорил, инспектор ко мне прекрасно относился; следовательно, отказ с его стороны представлялся маловероятным. С другой стороны, я был уверен в поддержке префекта, приятеля мсье де Сен-М. И действительно, все

получилось: моя просьба была удовлетворена, что вызвало большую радость у мадам П.

В середине зимы мадам А. со своим мужем уехали, переложив все заботы на меня.

Через некоторое время боли, которые уже ранее меня беспокоили, возобновились и стали еще сильнее. Сара волновалась и просила меня показаться врачу. Ни за что на свете я бы не согласился на подобное, однако боли были настолько сильны, что пришлось подчиниться.

Мадам П. по просьбе дочери пригласила доктора Т. Я не забуду этот визит, малейшие детали его запечатлелись в моем сознании. Было около шести часов вечера. Свет еще не зажгли. Комната, в которой находились мы с доктором, была погружена в полумрак, и меня это вполне устраивало.

Мои ответы на его вопросы лишь усиливали путаницу, ничего не проясняя. Тогда он решил осмотреть меня. Всем известно, что врач имеет некоторые преимущества по отношению к больному, и никто не вправе этого оспаривать. Во время этой операции я слышал, что он вздыхает, как будто осмотр его не удовлетворил. Мадам П. была тут же и ожидала его заключения.

Я тоже ждал, однако чувствовал при этом полное безразличие.

Стоя у моей кровати, доктор изучал меня внимательно и с интересом. У него вырывались глухие восклицания вроде: «Бог мой! Возможно ли это!»

По его жестам я понял, что он собирается продолжить осмотр, пока не получит объяснений!!!..

Мое одеяло было отброшено. Моя скомканная одежда обнажала верхнюю часть моего тела! Дрожащая рука доктора нерешительно ощупывала его, подбираясь к животу, где и гнездилась боль. Когда он до него дотронулся, я испустил пронзительный крик, и с силой оттолкнул его руку.

Он сел рядом со мной, мягко уговаривая меня собраться с силами, однако, похоже, ему самому это бы не помешало. Его искаженное лицо выдавало чрезвычайное волнение. «Прошу вас, – сказал я ему, – оставьте меня. Вы меня убиваете!» «Мадмуазель, прошу вас, еще одну минуту, и все будет кончено». Его рука уже проскользнула под простыню и задержалась на чувствительном месте. Она несколько раз на него нажала, как будто желая найти там решение сложной проблемы. Однако она не остановилась там!!! Он нашел объяснение, которого искал! Однако было ясно видно, что это превосходило все его ожидания!

Несчастный был охвачен сильнейшим волнением! У него из груди рвались обрывки слов, как будто он не решался их произнести. Я же желал ему провалиться сквозь землю!!!

Мадам П. совершенно ничего не понимала. Из жалости ко мне она решила прекратить эту утомительную сцену, отозвав доктора.

«Прощайте, мадмуазель, – сказал мне он с легкой улыбкой, мы еще увидимся!!!»

Я быстро встал и отправился к Саре, которая была занята в классах. Она бросила на меня вопрошительный взгляд. Я быстро ввел ее в курс происшедшего.

За обедом я заметил, что мадам П. была серьезнее, чем обычно. Она не умела скрыть своих ощущений, было видно, что она озабочена, смущена. Под конец трапезы я зашел на кухню, чтобы немного погреться. «Мадмуазель Камилла, – сказала мне она, – я послала за лекарствами, которые выписал доктор. Однако он больше не придет, я этого не хочу».

Что означало подобное приказание с ее стороны? Она что-то поняла и боялась узнать еще больше? Именно об этом я и спрашивал себя, ничего не отвечая на ее вопросы. Когда мы легли, Сара рассказала мне, что у врача с ее матерью состоялся длинный разговор. И это было все. Однако этого было достаточно, чтобы вызвать у меня опасения, которые моя подруга вполне разделяла!!! В сложившихся обстоятельствах этот человек, как я узнал позже, избегая открытых объяснений с мадам П., начал задавать ей по поводу меня вопросы чрезвычайно деликатного свойства, на которые она едва была в состоянии ответить, ничуть не догадываясь о том, чем они были вызваны. Ни малейшее подозрение не закралось в ее душу, поскольку оно было бы ужасным, и она его сразу же отбрасывала. Видя подобное слепое упорство, доктор не считал нужным взять инициативу в свои руки, к чему его обязывали его титул и звание порядочного человека; он довольствовался тем, что посоветовал ей как можно скорее удалить меня из своего дома, считая, что тем самым снимает с себя всякую ответственность.

Хочу повторить, что его долг диктовал ему иную линию поведения. В подобных обстоятельствах нерешительность не позволялась, она была серьезным проступком, не только перед лицом морали, но и перед законом. Испугавшись открывшейся ему тайны, он предпочел похоронить ее навсегда!

Мадам П. была не столь образована, что, возможно, в чем-то ее извиняло, однако все же не могло избавить от упреков в ее адрес. Происшедшее нуждалось в более серьезном анализе. Уверен, что ни одна женщина не допустила бы подобной слабости. Она не собиралась предъявлять претензии доктору, но ей следовало его поблагодарить и попытаться найти другой способ решения проблемы. Она этого не сделала по нескольким причинам, и все они были неубедительными.

Начнем с того, что она опасалась скандала, который мог скомпрометировать репутацию ее заведения и повредить ее интересам. Кроме того, она мне безгранично доверяла. Приняв инсинуации доктора, она бы усомнилась в своей дочери, а ее самолюбие и мысли такой не могло допустить. Ее наивность простиралась до такой степени, что она думала, будто я сам нахожусь в полном неведении относительно своего положения... Это был абсурд в последней стадии!!! Я никогда не мог понять, как женщина ее возраста, причем с ее опытом, могла сохранить подобные иллюзии! Неужели привязанность, которую испытывала ко мне Сара, не должна была раскрыть ей глаза? Нет. Она бы не решилась выказать нам

и малейшее подозрение, даже когда приходила утром, чтобы нас разбудить! Несчастливая женщина!!!

Этот инцидент, каким бы серьезным он ни был, ничего не изменил в нашей обычной жизни. Мадам П. снова обрела свое спокойствие, мы же веселились от души. Во время прогулок мы часто встречали доктора Т. Я толкал Сару локтем. Он проходил мимо, приветствуя меня улыбкой! Что он думал, когда видел, что мы идем, рука об руку и смеемся!!! Странное положение!.. Его молчание, его поведение по отношению ко мне казались мне возмутительными!

Несколько раз у меня появлялась идея спровоцировать его на объяснения, выставив перед ним фальшь положения, из которого мне нужно было выбраться какой бы то ни было ценой. Сара же откладывала как можно дальше любые подобные действия. Ей это не принесло бы облегчения, но навлекло бы на нее позор и вызвало сплетни, которые преследовали бы ее всю жизнь! Увы! Я это понимал!

Неужели люди, которые вроде бы простили нам невинную с виду связь, проявили бы снисхождение к любовной интрижке? Нет, несомненно, они были бы безжалостны! Они бы заставили нас жестоко заплатить за тихое счастье двух последних лет! А это счастье досталось нам дорого!

Я не прерывал своих занятий. Однажды, в присутствии Сары, мадам П. давала мне материнские наставления по поводу моего здоровья. Хотя я и не был болен, однако чувствовал слабость, усталость. Я спал беспокойно.

Я почти постоянно сильно потел, и это еще усиливало мое недомогание. Каждый вечер перед сном мне готовили напиток, который всю ночь согревал огонек ночника. «Ведь вы не забудете его принять, мадмуазель Камилла, – сказала мне мадам П. «Не беспокойся, мама, я же сплю с ней, так что беру это на себя». Ее мать внезапно выпрямилась. «А вот это я тебе строго запрещаю! У меня свои причины. И хочу добавить, что если моей власти недостаточно, тогда я прибегну к другой. Можешь в этом не сомневаться». Мы ничего не ответили, и правильно сделали.

Странное противоречие! Наши слишком близкие отношения заставляли краснеть эту женщину, однако она терпела мое присутствие в подобном заведении. Ей казалось, что ночь, проведенная рядом со мной, опасна для ее дочери, однако она не видела никакой угрозы в том, что мы жили в одной квартире, одной жизнью, и по семейному заботились друг о друге, ласкали друг друга, целовались!..

Без сомнения, все это казалось ей совершенно невинным. Даже сегодня я пытаюсь разрешить эту загадку. Но она от меня ускользает.

С этого момента для нас начался новый этап нашего существования, таивший в себе новую опасность, и этого боялись не только мы. За каждым нашим шагом теперь постоянно велась тайная слежка. Мадам П., несмотря на свое внешнее спокойствие, все же утратила подчеркнутую беззаботность, которую не смогли поколебать предупреждения доктора. Она снова запретила своей

дочери разделять со мной ложе. Это было запоздалое предостережение, скорее опасное, чем необходимое.

И действительно, как можно было предположить, что мы подчинимся этому запрету, каким бы категорическим он не был? Это все равно, что требовать от природы героической жертвы, на которую она была не способна!!!

Чтобы отклонить подозрения, было решено, что вечером мы будем ложиться в разные постели. И только к середине ночи та, что проснулась первой, приходила в кровать подруги и оставалась там уже до утра. Дортуары были отделены от основного жилого здания, и мадам П. никогда туда не заходила, поэтому нас никто не мог увидеть, если бы, конечно, не случилось нечто непредвиденное.

Летом ко мне с визитом прибыл инспектор округа. Он был таким, как я и ожидал, то есть обходительным и доброжелательным. Обычно его сопровождал мсье кюре. На сей раз он прибыл один. Я решительно не нравился нашему уважаемому пастьрю, однако это хотя бы избавляло меня от его присутствия, которое я не так уж и ценил!..

В семье ожидали новорожденного. Младшая сестра Сары собиралась впервые стать матерью. Излишне говорить, что этого момента все ждали с огромным нетерпением! Молодая женщина каждый день заходила к нам. Все приготовления были уже сделаны.

Никто не стеснялся моего присутствия, ведь я была близкой подругой Сары, естественно, я была

посвящена во все эти интимные детали, которые рассказывают друг другу лица одного пола!!!..

Однажды ночью, только мы с подружкой заснули, кто-то постучал в общую для наших двух комнат дверь, выходящую на лестницу. Служанка пришла сообщить нам о рождении девочки. Молодая женщина почувствовала родовые схватки, когда уже собиралась ложиться спать, она оперлась на руку мужа и быстро отправилась к своей матери. Через два или три часа она произвела на свет девочку.

Мы тотчас же спустились вниз, едва одетые, охваченные как любопытством, так и интересом. Мадам П. светилась от радости. Я подошел к кровати, где отдыхала молодая мать. Она протянула руки к нам обоим с выражением невыразимой радости!

Страдание облагородило ее черты и придало им особое очарование, свойственное счастливому материнству. Ее рука указала нам на поставленную рядом колыбель. Сара взяла крошечное создание и осыпала его поцелуями.

Я наблюдал за этой сценой с волнением, которое с трудом сдерживал!!!..

Стоя между двумя кроватями я смотрел то на Сару, то на ребенка. И я не мог оторвать от них взгляда!!!..

Мое волнение не укрылось от мадам П. Она внимательно смотрела на меня, не зная, чем объяснить мой мечтательный вид. Если бы повязка, закрывавшая ее глаза, не была столь плотной, если бы ее ослепление не было столь велико, то,

несомненно, истина во всем своем блеске могла бы явиться перед ней и заменить испугом ее непоколебимое доверие!!! А может, ей удобнее было оставаться в неведении, нежели узнать ужасную тайну? Все возможно...

Каждый день я приходил в эту комнату и проводил там долгие часы. Состояние мадам Г. было вполне удовлетворительным.

Когда она смогла встать, она приходила к нам во время перемен и кормила ребенка у нас на глазах!

Сара обожала свою маленькую племянницу. Похоже, она завидовала своей сестре! Кто знает!!!

Хотя счастье опьяняло меня, я ощущал ужасные муки. Что делать, Боже мой, какое решение принять!

В моей бедной голове царил хаос, из которого я ничего не мог понять. Все рассказать матери? Но это могло бы ее убить! Нет! Я не мог открыть ей ужасную тайну!

Оставить все как есть?

Но это значило неизбежно подвергнуть себя еще большим несчастьям! Это означало переступить через мораль, через все самое святое, самое неприкосновенное!

И разве позже меня не могли обвинить в преступном молчании и печальных последствиях, которые я обязан был предвидеть!..

Приближались каникулы. Я снова собирался расстаться со своей возлюбленной Сарой. Наше прощание было печальным, особенно с моей стороны, ибо я не был уверен, что снова ее увижу... Я расставался с ней, ничего не говоря о своих планах.

Я приехал в Б. со смертью в душе.

У меня собирались потребовать объяснений, которых я решил не давать. Мсье де Сен-М. был скован, смущен. Ему были прочитаны все мои письма.

Он тщетно пытался разгадать их смысл. Моя грусть плохо на него действовала. Толком не понимая, в чем дело, он предвидел катастрофу. Этот страх усиливался тягостным молчанием, которое я упорно хранил.

Они с моей матерью ждали от меня признания, которого не последовало. Так прошел месяц. Приближался отъезд.

Мои силы были на пределе. Я с ужасом ожидал приближения рокового мига!.. Моя мать набралась смелости. Ведь мне оставалось провести рядом с ней всего лишь несколько дней!

Однажды утром я увидел, что она входит в мою комнату и садится у моей кровати: «Камилла, – сказала мне она, – ты же, надеюсь, понимаешь, что не можешь просто так уехать от нас. Твои слова, твое странное поведение совершенно нам непонятны, и я умоляю тебя объяснить нам все». Больше она ничего не смогла вымолвить. Ее голос дрожал. Вместо ответа я опустил голову и молчал несколько минут!

Вдруг меня осенило. «Ладно, – сказал я, – если ты хочешь знать, то все узнаешь. Но не сегодня! Подожди до завтра. Это все, о чем я прошу». Она ушла.

Ночью я ни на секунду не сомкнул глаз. В четыре часа утра я встал. В одно мгновение оделся.

В доме никто не проснулся. Я бесшумно открыл двери и очутился на улице.

В обычной жизни мне часто не хватало смелости, инициативы.

Перед лицом опасности я обычно собираюсь. Несчастье придает мне силы. Так случилось и на этот раз, когда решалось будущее всей моей жизни... Необходимость борьбы вызвала во мне сверхъестественный подъем.

В пять часов я преклонил колени в часовне епархии. Монсеньер де Б. каждый день в это время совершал мессу. По окончании мессы его можно было найти в исповедальне. Репутация выдающегося прелата была общеизвестна. Человек в высшей степени талантливый, этот местный епископ, несомненно, обладал неоспоримым преимуществом по сравнению с остальными членами французского епископата. Что же касается членов его епархии, то они относились к нему с неслыханным почтением. Им гордились. И я понял, что только у него смогу найти совет и защиту.

По окончании мессы я сделал знак его камердинеру, чтобы он предупредил его Святейшество. Он тотчас же вернулся и пригласил меня в ризницу. Я зашел туда без страха, однако воодушевляемый энергией, которую придавало мне отчаяние.

Я получил благословение епископа и встал на колени на скамеечку для покаяния. Моя исповедь была подробной. Должно быть, я говорил долго. Прелат слушал меня с благоговейным удивлением. Я не напрасно рассчитывал на его снисхождение.

Мои слова были выражением высшей скорби, к которой его великая душа не осталась бесчувственной; его орлиный взор тотчас узрел пропасть, разверзшуюся под моими ногами... Мои столь откровенные признания расположили его в мою пользу.

Я почувствовал сострадание, ободрение, какие может дать только христианская религия!.. Мгновения, проведенные рядом с этим великим человеком, были, возможно, самыми прекрасными в моей жизни. «Мое бедное дитя, – сказал он мне, задав несколько вопросов, – я не знаю, как все это может завершиться. Вы разрешаете мне открыть вашу тайну? Ибо я, хотя и предполагаю, как разрешить данную ситуацию, все же не могу быть здесь судьей. Сегодня же я увижусь с моим врачом. Я договорюсь с ним о том, какую линию поведения выбрать. Приходите завтра утром и да пребудет с вами мир».

На следующий день в тот же час я был в епархии. Монсеньер ждал меня. «Я встречался с доктором Х., – сказал он мне, – Приходите сегодня вместе с вашей матушкой к нему в кабинет». Я успел предупредить ее еще накануне. Ее беспокойство невозможно описать. В назначенный час мы были у доктора. Его нельзя было назвать просто обычным врачом, это, скорее, был ученый муж в прямом смысле этого слова.

Он сразу же понял всю серьезность доверенного ему поручения. Оно льстило его самолюбию, поскольку, несомненно, раньше он с подобным не сталкивался, и я должен сказать, что он был на высоте.

Мне не особенно хотелось самому посвящать его в свои самые интимные тайны, и я отвечал ему в общих словах, не обращая внимания на вопросы, которые казались мне вторжением в мою личную жизнь.

«Знаете, – сказал он мне тогда, – вы должны считать меня не только врачом, но исповедником. Мне нужно все видеть и все знать. Ваше положение серьезно, более серьезно, чем вы, возможно, считаете. Однако мне придется отвечать за вас в первую очередь перед Монсеньером и, без сомнения, также перед законом, в том случае, когда понадобится мое свидетельство». Я воздержусь от подробных описаний этого осмотра, который совершенно убедил ученого мужа.

Теперь ему оставалось лишь исправить ошибку, в которой никто не был виноват. Чтобы ее исправить, нужно было дать указания по поводу изменения моего гражданского состояния.

«Откровенно говоря, – сказал мне добрый доктор, – у вашей крестной легкая рука, если уж она назвала вас Камиллой. Дайте мне руку, мадмуазель, надеюсь, очень скоро мы будем называть вас иначе. Оставляю вас и отправляюсь в епархию. Не знаю, что решит Монсеньер, однако сомневаюсь, что он разрешит вам вернуться в Л. Там вы больше не будете занимать свой пост, это невозможно. Однако я никак не могу понять действий своего коллеги из Л., который фактически себя скомпрометировал, разрешив вам так долго оставаться там, зная, кто вы есть на самом деле. Что же касается мадам П., ее наивность невозможно

объяснить». Затем он обратился со словами ободрения к моей бедной матери, пребывавшей в совершенном изумлении. «Вы потеряли свою дочь, это правда, – сказал он ей, – однако вскоре вы обретете сына, которого не ждали».

Наше возвращение в апартаменты мсье де Сен-М. было воспринято как из ряда вон выходящее событие. Благодородный старец расхаживал взад-вперед, стараясь скрыть свое лихорадочное нетерпение. Увидев нас, он остановился, моя мать усадила его в кресло и села у его ног. Я расположился на некотором расстоянии, совершенно не желая рассказывать о том, что произошло. Время от времени мсье де Сен-М. поднимал на меня глаза и издавал восклицания, реагируя на детали, которые перечисляла моя мать. Сперва он удивился, но затем воспринял ситуацию спокойнее, придя к выводу, что в будущем я смогу занять более выгодное положение. На это можно было надеяться при условии хорошей протекции. «Все равно, – сказал он, – мне нужно было дожить до восьмидесяти лет, чтобы увидеть такую развязку, и именно благодаря тебе, Камилл, это случилось! Сможешь ли ты стать счастливым, бедное дитя!» Я был так потрясен, что не нашелся ничего ответить, все мысли смешались в моем воспаленном мозгу, который никак не мог принять взвешенного решения. Временами мне начинало казаться, что я сплю и вижу кошмарный сон.

Этот неизбежный результат, который я предвидел и которого даже желал, теперь пугал меня и возмущал своей нелепостью. В конце концов, я

добился того, что считал нужным сделать, но кто знает? Возможно, я ошибся. Случившиеся со мной внезапные резкие перемены могли поставить под угрозу нравственность.

Смогут ли люди, которые обычно так слепы и строги в своих суждениях, отнестись к моим действиям с пониманием, либо же они извратят их и поставят мне в вину?

Увы! Тогда я не сумел все это обдумать. Путь был свободен, и меня подталкивало вперед чувство долга, который я должен был исполнить. Я ничего не просчитывал.

На следующий день я отправился в епархию. Монсеньер ждал меня. «Я видел доктора, – сказал он мне, – и все знаю. Я все обдумал и принял следующее решение: вскоре вы вернетесь в Л. еще на несколько дней, чтобы устранить возможность скандала, который мог разразиться после вашего отъезда, – это нужно сделать и ради вас, и ради заведения, которым вы руководите. Вы сами видите, что я вам полностью доверяю. Не злоупотребляйте этим. Как можно скорее найдите себе замену и возвращайтесь сюда, после чего мы постараемся найти способ подыскать вам в обществе новое место».

Через два дня я уже был в Л. Предупрежденная о моем приезде, Сара ждала меня. Она сразу же обняла меня, а затем обратила внимание на чрезвычайно серьезное выражение моего лица. Поскольку она сама заговорила об этом, я сел на край своей кровати и устремил на нее страдальческий взгляд. «Моя любимая, – сказал я ей взволнованно, – час

расставания настал». И я кратко рассказал ей обо всем, что произошло в Б. Я и сейчас вижу это милое любимое лицо, которое внезапно исказила глубокая печаль. Она ничего не сказала, но ее взгляд, казалось, упрекал меня, ставил мне в вину то, что я принял это важное решение без нее. «Если бы ты захотел, – говорил этот взгляд – мы могли бы еще долго быть счастливы. Но меня тебе уже, конечно, мало; ты жаждешь свободного существования, независимости, которые я не в состоянии тебе дать».

И действительно, отчасти все это было связано с отвращением, которое овладело мною. Я уже не жил. Я постоянно испытывал стыд за свое нынешнее положение, и одного этого было достаточно, чтобы заставить меня порвать с прошлым, заставлявшим меня краснеть.

Это смутное стремление к неведомому сделало меня эгоистом, мешая мне сожалеть о дорогих мне узах, которые я собирался разорвать по собственной воле.

Позже я горько раскаялся в том, что тогда считал своим главным долгом. Вскоре люди дали мне понять, что я совершил непростительную глупость, и жестоко меня за это наказали.

Эти несколько дней, проведенные мною в Л., были по-настоящему тяжелыми. Моя бедная Сара не могла скрыть своих горестных слез. Она старательно избегала своей матери, которая и сама, как это ни странно, не могла свыкнуться с мыслью о моем скором отъезде.

По этому поводу у нас с ней произошло объяснение и я, не вникая в детали, дабы уверить ее в

серьезности момента, был вынужден привести в качестве побудительной причины своих действий решение Монсеньера, власть которого не оставляла мне свободы выбора.

Слепая мать отвечала на непонятные объяснения, которые должны быть для нее ужасным предупреждением, с истинным или наигранным недоверием, превосходившим всякое понимание. Здесь мне следует пояснить. Поскольку я оставался под ее крышей, она не могла как-то объяснить свое поведение, не испортив со мной отношений, а это бы вызвало подозрения ее семьи и прочих людей. А этого ей хотелось избежать любой ценой. В глубине души она одобряла меня, я не сомневаюсь в этом, и ее видимое спокойствие скрывало ужасную тревогу, причиной которой была ее дочь. Ибо если до сих пор она оставалась глухой к очевидности, к намекам своего врача, теперь уже подобное ей не дозволялось. Истина предстала перед ней в свете дня, и какую боль она, должно быть, ощущала, думая о последствиях своего пагубного доверия! Однако ничто ни в ее словах, ни в поведении не выдавало ее душевного состояния. Не знаю, как ее назвать: по-настоящему сильной женщиной или же простоватой невеждой. Перед Сарой и перед другими своими детьми она играла великолепную роль трогательной простушки, причем безо всякой аффектации, не давая повода ни малейшей критике. Может быть, она притворялась, что привязана ко мне? Не знаю. Во всяком случае, самый изощренный ум здесь попал бы впросак. Мы все

часто ошибаемся и позволяем себя обманывать, причем из самых лучших побуждений.

Никогда еще три человека не попадали в более странное, более ложное положение, при этом они были объединены общими идеями, однако все здесь на поверку оказалось недостойным и фальшивым, превратилось в невероятную комедию, разыгрывавшуюся с непостижимым хладнокровием.

Для мадам П. я был и должен был всегда оставаться избранной подругой ее дочери.

Мать Сары и все прочие считали, что Сара сожалела обо мне как о подруге, о сестре, отсутствие которой она была вправе открыто оплакивать, и никто ее в этом упрекнуть не мог. Если бы кто-нибудь, посвященный во все эти тайны, увидел бы нас втроем, обсуждавшими количество дней, которые я еще собирался провести в Л., он подумал бы, что присутствует при представлении «Фигаро» или же в театре Жимназ¹, и уж точно никогда даже самому знаменитому актеру не удавалось сделать такой правдивой настолько неправдоподобную роль.

Каждый день происходили новые сцены, и я уже чувствовал себя оглушенным и отчаявшимся.

Однажды вечером, когда ученики были на перемене, я последовал за Сарой в ее комнату... Мой отъезд по-прежнему был поводом для разговоров и новых слез. Моя подруга, стоя у окна,

---

¹ Жимназ – театр, устроенный в 1820 году на бульварах в Париже для представления комедий и водевилей.

обвив рукой мою шею, молча плакала, когда внезапно вошли ее мать и младшая сестра.

Обе непринужденно сели, как бы показывая, что разделяют наше несчастье. Мадам П. спокойно смотрела на нас. «Мадмуазель Камилла, сказала мне она, – вы же видите, сколько горя причиняете, и продолжаете упорствовать в своем решении? Кто заменит вас Саре и мне?» Я не в состоянии описать эффект, который произвели на меня эти слова. Они ошеломили меня. Это превосходило все мыслимые пределы невинности. Это означало искушать Господа.

Неужели я должен был ответить грубым признанием и опозорить этот целомудренный цветок, запах которого продолжал меня опьянять? Конечно, нет. Сара согласилась бы даже рисковать своей жизнью, но не согласилась бы краснеть при матери и сестре. Тайна нашей любви должна была умереть, известная лишь Богу и мне.

И я просто ответил, что сила, независимая от моей воли, обязывала меня быстро уехать, не оглядываясь назад. Молодая женщина, присутствовавшая при этом разговоре, молчала, однако я инстинктивно чувствовал, что мой секрет уже не являлся таковым для нее.

Ее внимание было поглощено Сарой, она следила за каждым ее движением. Бедное дитя, целиком подавленное своим горем, не замечало этого. Она сжимала меня в объятиях. Ее сотрясали сильнейшие рыдания. Начало уроков положило конец этой сцене, которая превратилась для меня в настоящую пытку.

Через несколько дней мадам П. на какое-то время отлучилась, а вернувшись, сообщила мне, что нашла мне замену при посредстве инспектора округа. Итак, я готовился отбыть со дня на день, ощущая при этом ужасную душевную боль. Наконец прибыла девушка, о которой нас предупредили; я узнал ее – это была ученица Педагогического института Д. Наши отношения были довольно холодными. Ее присутствие меня постоянно стесняло, и я чувствовал, что теперь разлука стала неизбежной.

Она была свидетельницей моих близких отношений с Сарой, как и огорчения ее матери, и тщетно пыталась разгадать причины моего неожиданного отъезда. Вскоре она пришла к выводу, что, по примеру моей тетки, которая была ее школьной подругой, я собираюсь посвятить себя религии. Это предположение меня развеселило. Но я не считал необходимым ее разубеждать.

Я должен был остаться еще на два или три дня, дабы просветить ее относительно наших методов обучения: не то, чтобы это казалось мне необходимым, однако меня об этом попросила мадам П.

Сара почти с ней не разговаривала. Д. сразу же ей не понравилась. Иначе и быть не могло! Она могла занять мое место, но не заменить меня.

В день ее прибытия вечером я выразил намерение уступить ей свою кровать в дортуаре, которая теперь была отведена для нее, и занять небольшую комнатку Сары. Моя подруга хотела меня отговорить от этого, однако ее мать одобрила это решение. И эту первую ночь мы провели

отдельно; но на следующее же утро Сара пришла ко мне, чтобы совершить утренний туалет и поприветствовать меня, как обычно. Так продолжалось до самого моего отъезда, который уже окончательно был назначен на конец недели.

Господин кюре был предупрежден об этом письмом монсеньера Б., который сейчас является архиепископом. Я собирался поговорить с ним об этом, просто чтобы соблюсти приличия. Но горько в этом раскаялся. У этого непонятного человека не нашлось для меня ни одного слова поддержки в той сложившейся нелегкой для меня ситуации. Ничто не могло поколебать его несгибаемую суровость. Он никогда не мог меня простить. Но что я ему сделал? Ничего. Бессмысленно даже говорить, что я даже не попрощался с ним, хотя мадам П. меня об этом и просила.

В Л. я ни с кем не встречался, и хотя все уже знали о моем отъезде, он прошел тихо и даже без особых пересудов, какими обычно так любят заниматься провинциальные кумушки.

Настал последний день. Я собирался наконец покинуть этот тихий уголок, давший мне столько запретных радостей. Я готовился взглянуть на этот мир с новой стороны, о которой ранее даже и не подозревал.

Моя неопытность подготовила мне печальные разочарования. Тогда мне все представлялось в радостном и безоблачном свете! Каким же убогим глупцом я был; я обладал счастьем, настоящим блаженством, и я с легким сердцем пожертвовал всем этим ради какой-то неопределенной идеи, глупых

страхов!!! О! как же я за это поплатился!! А впрочем, к чему жалобы, сожаления? Я сам выбрал свою судьбу и исполнил, как мне кажется, вполне мужественно, свой тяжкий долг, которого требовало от меня положение. Многие посмеются. Я их прощаю и желаю им никогда не испытать свалившихся на меня горестей!!!

Приготовления были закончены. Я в последний раз попрощался со своими ученицами. Бедные милые дети! С каким чувством я целовал их юные лица! Я смотрел на них с любовью, почти упрекая себя за дни, проведенные в самой непосредственной близости от них!

Было семь часов утра. Сара должна была проводить меня до большой дороги, где ходили дилижансы. Когда я подошел к мадам П., чтобы попрощаться, мое сердце ужасно сжалось. И она тоже жестоко страдала. Об этом свидетельствовали болезненно искаженные черты ее лица. Ее молчание говорило о многом. В первую очередь, об огорчении: ибо, не смотря ни на что, она искренне и преданно меня любила. Но помимо этой непосредственной привязанности в ней чувствовалось и раздражение, я в этом не сомневаюсь. И она была в этом права. Разве могла она простить мне это странное положение, которое я занял в ее доме, рядом с ее дочерью, чья чистота была ей так дорога? Вместе с тем я не мог поверить в то, что она догадалась об интимном характере наших отношений. Нет, ибо это поразило бы ее как громом, принимая во внимание силу ее чувств. Моя честь была для нее надежным гарантом целомудрия ее дитяти.

Редкая и плачевная наивность со стороны матери!.. Совершенно не разбираясь в жизни, она не могла поверить в то, что я могу появиться в обществе с именем и гражданским состоянием, свойственными своему полу. «Так что же, дорогая Камилла, – сказала она мне, – может быть, когда-нибудь мне придется называть вас «мсье»? О! нет, этого не будет, не так ли?» – «Будет, мадам, и довольно скоро, уверяю вас. Лучше спросите об этом у монсеньера Б.» – «Но что скажут люди! Ведь скандал непременно коснется и моего дома! И что тогда?!»

Это заботило ее больше всего и стало для нее кошмаром. Она уже видела, что ее пансионат закрыт и ее репутации нанесен серьезный удар. Перед подобной перспективой она уже забыла о своей дочери, она не собиралась размышлять о прошлом, но заботилась исключительно о будущем.

«Ну что ж, прощай, дорогая дочка!» После чего эта прекрасная женщина не смогла больше вымолвить ни слова, Сара же отвернулась, удерживая слезы. Я подал ей знак, и мы уехали по окольной дороге, которая не проходила через город. Я взял ее руку и прижал ее к своей груди. Она время от времени отвечала мне пожатием руки. Тогда наши взгляды встречались и говорили больше, чем фразы, которые умирали на наших губах.

Ни один человек, который увидел бы наши объятия, не догадался бы о таинственной драме, перевернувшей эти юные жизни, с виду такие мирные и спокойные!

Разве истина порой не превосходит любые идеальные построения, какими бы преувеличенными

они ни казались? Ведь отсюда совсем недалеко и до метаморфоз, до Овидия!

Я в последний раз сжал в объятиях ту, которую звал своей сестрой и которую я любил со всей страстью своих двадцати лет. Мои губы коснулись ее. Мы уже все сказали друг другу. На сей раз я уезжал, унося в своей душе все счастье, которым наслаждался все эти годы, и первую и единственную любовь своей жизни. Дилижанс удалялся и увозил меня от моей возлюбленной. Все было кончено.

Думаю, здесь я рассказал все относительно периода моей девической жизни. Это прекрасные дни жизни, навсегда потерянной для меня, которые сменило холодное одиночество. О боже мой! Что за судьба меня ожидала! Но несомненно я этого хотел, поэтому замолкаю. Когда я вернулся в Б., мне предстояло заняться делами, необходимыми, дабы предстать в гражданском обществе в качестве субъекта мужского пола.

Доктор Х. уже подготовил объемистый отчет, настоящий шедевр медицинского стиля, предназначенный для представления в суд дела об исправлении, затребованный, должно быть, из С., где я родился. Снабженный этим документом, а также частными рекомендациями для председателя и прокурора, я отправился в этот город. Меня сопровождала моя мать. Первый визит мы нанесли пожилому кюре, который уже давно знал нашу семью. Я даже не буду пытаться здесь описать его наивное удивление после прочтения письма, адресованного ему по этому поводу монсеньером Б. Все и так вполне понятно. Подобные факты столь

редки, что удивление здесь естественно. Господин председатель де В. принял нас гораздо лучше. Ознакомившись с фактами и задав мне несколько вопросов, он сказал: «Вы отправитесь от моего имени к мсье Д., моему поверенному и передадите ему все эти документы. Остальное уже сделают без вашего участия. Если же позже ваше присутствие будет необходимо, вас об этом известят». Мы уехали на следующий же день, не поставив мою семью в известность о том, что меня ожидало. Я хотел сохранить это в секрете до самой развязки, которая была уже близка. Единственным исключением был мой дедушка по материнской линии. Он был напуган, ибо опасался исхода, который мог бы поколебать спокойствие всей нашей семьи. Я как мог его успокаивал, уверяя, что все пройдет по закону и завершится благоприятно.

Следовательно, никто кроме него не знал мотивов нашего путешествия, но в то же время я должен привести здесь некоторые, по меньшей мере, странные замечания, прозвучавшие в мой адрес. Впоследствии меня об этом уведомили. Одна близкая подруга моей матери, в частности, была поражена моей походкой, моей внешностью, и моими повадками, которые показались ей похожими на мужские.

В другом месте случилось то же самое. Это было в больнице, где я оставался в течение трех лет, то есть до десятилетнего возраста, вместе с юными сиротами, моими ровесницами. Там я вновь повидался с духовником, что доставило мне огромное удовольствие. Начальница по-прежнему

называла меня своей дорогой дочкой. Она проводила нас до дверей, продолжая разговор. В это время за нами из окна наблюдала одна воспитанница, девушка, чьей любимой подругой я был. Хитрая барышня заметила, что я держал зонтик под левой рукой, а правую, без перчатки, держал за спиной. Подобные манеры показались ей не особенно подходящими для учительницы. Все мои движения, в общем, вполне гармонировали с жесткими и суровыми чертами моей физиономии.

Со времени моего прибытия в Б. прошло примерно пятнадцать дней, когда поверенный, занятый расследованием, дал мне знать, что суд после первого слушания поручил доктору Г. провести новый осмотр, дабы вынести окончательное решение, и что мне необходимо явиться к врачу.

Пришлось подчиниться. Впрочем, я был к этому готов.

Бессмысленно повторять, что этот второй осмотр имел тот же результат, что и первый, и после составленного отчета, гражданский суд С. отдал распоряжение, дабы исправление было внесено во все акты гражданского состояния, где отныне меня следует обозначать как представителя мужского пола, а также найти мне новое имя вместо двух женских, данных мне при рождении.

Я был в Б., когда вышло это постановление. Мне прислали подлинник судебного решения, которое позже было воспроизведено в «Анналах судебной медицины».

Просматривая это издание, я обнаружил, что сходный факт имел место в 1813 году в одном

южном департаменте, если и не при похожих обстоятельствах, то с похожими последствиями.

Дело было сделано. Мое гражданское состояние отныне обязывало меня находиться среди представителей той половины рода человеческого, что называется сильным полом. Я, который до возраста двадцати одного года воспитывался в религиозных заведениях, в окружении робких подруг, теперь, подобно Ахиллу, собирался забыть свое милое прошлое и вступить в борьбу, вооруженный исключительно своей слабостью и совершенным отсутствием опыта в познании людей и вещей!

Теперь и думать нечего было о том, чтобы все скрыть. Всюду уже поползли слухи. Это необычное событие всколыхнуло небольшой городок С., где всегда чрезвычайно быстро распространялись кривотолки и сплетни. Как обычно, каждый прибавлял к фактам свои домыслы. Некоторые доходили до того, что обвиняли мою мать в том, что она скрыла мой настоящий пол, дабы спасти меня от военной службы. Другие представляли меня настоящим Дон Жуаном, который сеял всюду стыд и бесчестие, безнаказанно пользуясь своим положением для любовных интрижек с женщинами, посвятившими себя Господу. Мне было все это известно, однако нисколько меня не волновало.

В Б. дело обстояло иначе. Однажды прекрасным утром меня увидели на мессе в мужском костюме рядом с мадам де Р., дочерью мсье де Сен-М. Меня узнали лишь один или два человека, но этого было достаточно. Город был взбужджен.

Газеты также не остались в стороне. На следующий же день все написали об этом происшествии.

Одни скромно сравнивали меня с Гераклом, готовым на все ради Омфалы; однако это были лишь цветочки, за которыми последовали инсинуации, опасные как для меня, так и для других. К местной прессе подключилась вся остальная, и появились более или менее пикантные статьи, имен авторов которых я до сих пор не забыл и которые мгновенно перепечатали некоторые парижские газеты. Высшее общество города пришло в волнение. Обо мне судачили всюду, в том числе и в общественных банях. Однажды там собрались несколько именитых граждан, в числе которых был префект, громко выражавший свое удивление. К счастью, меня защищало имя Монсеньера Б. Всем было известно, что выдающийся прелат принял в деле непосредственное участие, поэтому им пришлось смириться. На следующий же день я пришел к нему с визитом, облачившись в новый костюм, что позволило ему выразить мне с большей непосредственностью свое теплое отношение. Его Святейшество горячо пожал мне руку, назвав меня своим другом! Я до сих пор еще вспоминаю эту сцену.

О! Я никогда не забуду, чем обязан этому святому человеку, воистину достойному возложенных на него высоких обязанностей, как в силу своего возвышенного духа, так и безмерного благородства души. Я также повидался с доктором Х. «Если вы мне доверяете, – сказал он, – вы сходите со мной в префектуру. Вас желает видеть префект, и не сомневаюсь, что он может быть вам полезен. Тем более сейчас он все готов для вас сделать».

И вот мы с доктором в кабинете префекта, которому мой визит, похоже, доставил удовольствие.

Он принял меня по-отечески, дружески расспросил о прошлом и о планах на будущее. Мое сложное положение заинтересовало его. Не знаю почему, но мне пришла мысль поступить на службу на железную дорогу. Я заговорил об этом с префектом, который не стал меня отговаривать, а пообещал сделать запрос в компанию. Потом, весело улыбаясь, мне сказал: «Вы знаете, какую бурю подняли и в скольких злоупотреблениях вас обвиняют. Не обращайтесь на это внимания. Идите с высоко поднятой головой: у вас есть на это право. Возможно, это покажется вам сложным, но все вас поймут. Кроме того, хочу дать вам добрый совет: смиритесь с необходимостью уехать из этого региона на некоторое время. Я этим займусь». И я в полной мере оценил справедливость этого совета. Я чувствовал необходимость на время удалиться, я сам этого хотел.

Однако, как я того и опасался, в обществе поползли гнусные слухи о моих близких отношениях с мадмуазель Сарой П. По мнению некоторых, я ее обесчестил. О! должен признать, это был для меня весьма чувствительный удар. Одна мысль о том, что это бедное дитя стало жертвой преследовавшего меня злого рока, была для меня невыносима. Суд людской безжалостен, он мог безнаказанно поливать грязью невинную привязанность двух доверчивых душ, оказавшихся вместе на краю таинственной пропасти и обреченных судьбой рано или поздно туда рухнуть. Глупая слепая толпа, осуждающая тех, к кому следовало бы проявить снисхождение!

Я знал ее достаточно хорошо и был совершенно уверен в том, что она страдала молча и мужественно, ни в чем меня не обвиняя. Только она могла меня понять. Она одна меня любила! Долгое время светлые воспоминания о ней поддерживали меня, давали мне силу жить!! И даже сегодня, когда, кажется, все меня покинули и я оказался в ужасном одиночестве, как если бы злой рок подстерегал всех, кто со мной соприкасался, я чувствую тихую радость от мысли, что есть в этом мире существо, которое все же решилось разделить мою жалкую участь и по-прежнему хранит в своей душе нежность и сочувствие к несчастному. Возможно, это всего лишь иллюзия? Возможно, в момент, когда я пишу эти строки, мне уже нет места в ее сердце, и она навсегда забыла о том, чьей единственной отрадой была. Боже мой! Что мне тогда остается? Ничего. Холодное одиночество, мрачное заточение! О! жить одному, всегда одному, среди окружающей меня толпы, зная, что никогда ни одно нежное слово не озарит мою душу, никогда дружеская рука не поддержит меня! Ужасное неслыханное наказание! Кто когда-нибудь сумеет понять это? В тебе таятся неисчерпаемые сокровища любви, а ты приговорен к тому, чтобы скрывать их как позор, как преступление! Твоя душа пылает огнем, но ты говоришь себе: никогда ни одна девственница не подарит тебе священных уз супружества. Мне не суждено обрести высшее утешение, дарованное человеку на этом свете. О! смерть! Одна только смерть даст мне избавление! И подобно Вечному Жиду, я жду ее, ибо с ней закончатся мои страшные страдания!!! Но ведь есть еще и Ты, Господи! Это

по Твоей воле я не смогу принадлежать никому в этом мире, не смогу создать возвышающего человека на земле и увековечивающего ваше божественное дело союза! Обездоленный и тоскующий, я все еще осмеливаюсь поднять глаза к небу, ибо один Ты не оттолкнешь меня!

Пять или шесть недель спустя после моего визита к префекту я получил приглашение приехать в Париж к начальнику службы эксплуатации железных дорог. Это письмо переполнило меня радостью. К перспективе путешествия в Париж присоединялась надежда покинуть край, вызывавший у меня ужас, и наконец-то избавиться от этой инквизиторской пытки, объектом которой я был. Префект, которого я только что повидал, искренне разделял мое удовлетворение и взял с меня обещание не откладывать свой отъезд. Моя бедная мать была счастлива, и хотя к чувству удовлетворения примешивалась мысль о близкой разлуке, ей уже казалось, что все предвещает мне блестящее будущее.

Мсье де Сен-М. оставался по-прежнему добрым и предупредительным, он посоветовал мне обратиться в Париже к одному из своих внуков, который уже давно там жил. Этот последний не был мне чужим. Он был со мной знаком. Также он знал мою мать и был в курсе привязанности, которую испытывала к ней вся его семья. Поэтому он принял меня как брата. Благодаря ему, я избежал ужасного смятения провинциала, впервые в одиночестве заброшенного в безумную суматоху Парижа.

На следующий же день после моего прибытия он проводил меня в администрацию, где я познакомился с начальником эксплуатационной службы,

чье имя слишком известно, и я не буду его здесь упоминать. У нас состоялся короткий разговор, во время которого я просил его прислать мне вызов в Париж, что он мне и обещал. Он завершил нашу беседу следующими словами: «Возвращайтесь в Б. и ожидайте скорейшего назначения».

Итак, через день я покинул Париж, не успев его толком посмотреть, однако рассчитывая позже узнать его получше. За время, проведенное мною в Б., ничего серьезного не случилось. Каждый день в полном одиночестве я выходил на прогулку. Разговоры о моих авантюрах начинали затихать. Теперь, когда ситуация начинала проясняться, у многих появилась возможность реально ее оценить. Впрочем, должен сказать, что мои близкие знакомые в основном выражали мне живейшее сочувствие в связи с последними событиями. «Бедное дитя, – говорила мать одной из моих подруг и соучениц, – теперь я люблю его еще больше, поскольку могу в полной мере оценить. Сколько он должно быть выстрадал!»

Можете сами понять, как были потрясены все достойные преподавательницы педагогического института. Описать это не представляется возможным. По этому поводу достопочтенный духовник написал мне по-отечески прочувствованное письмо. «Теперь я могу, мой дорогой сын, сказать вам, насколько теплые чувства я навсегда сохранил к своей бывшей дочери. Но вам никогда не понять наивного изумления наших добрых монашек, чьим любимым воспитанником вы в каком-то смысле являлись. Сестра Мари дез Анж, узнав о

происшедших с вами переменах, закрыла лицо руками, вспомнив о связывавших вас близких отношениях. «Боже мой, – воскликнуло это небесное создание, – а я-то от чистого сердца целовала его, когда он был здесь в последний раз по моему приглашению! Он же при расставании целовал мне руки без малейшего смущения». Однако эти добросердечные существа ни в чем меня не обвиняли и сохранили ко мне в глубине души привязанность, форма которой все же изменилась. Эти чувства ко мне наверняка останутся прежними, ибо в основе их лежат чистота и святость.

Я хочу сказать, что все предположения по поводу моих прежних отношений с этими земными ангелами являются совершенно и полностью ложными. Несомненно, в какой-то мере они допустимы, и нельзя отрицать, что меня ужасающим образом выставили на всеобщее обозрение, это всем понятно; однако только я понимал таившуюся в этом опасность. Я страдал и боролся, о чем, по крайней мере, никто и не подозревал. Совершенно ясно, что исключительно чистым и возвышенным принципам, заложенным во мне еще в детстве, я обязан тем, что мог, не краснея, смотреть на этих великодушных людей, ничем не потревожив спокойствия их души.

Я говорю все это не ради оправдания, но исключительно потому, что я был бы достоин упреков подобно преступнику, подобно недостойному трусу, если бы позволил хоть тени подозрения пасть на этих созданий, чьи души несомненно достойны принять взгляд самого Господа.

Моя переписка с Сарой продолжалась. Она получала мои письма и регулярно мне на них отвечала, скрывая это от матери. Последней я написать не решался. Я ошибся, однако понял это гораздо позже. Мое робкое молчание по отношению к ней, должно быть, казалось ей либо холодным безразличием к ней и ее дочери, либо же запоздалым раскаянием в недостойном поведении у нее в доме.

Снова моя неопытность меня подвела. Не сомневаюсь, что если бы я сумел взять ситуацию под контроль, мое будущее было бы иным. И возможно, сегодня я был бы ее зятем.

Но без сомнения, этого не желал Господь, и я ошибочно рассчитывал на это звание, которого мне никогда не получить! Мадам П. любила меня искренне, по-матерински. Мой отъезд задевал ее тем сильнее, что угрожал самым дорогим ее сердцу интересам: серьезно компрометируя ее дочь и ставя под удар репутацию ее заведения. И то, и другое все же пострадало, вокруг нее поползли тайные пересуды. Настоящее могло пролить свет на прошлое, которое и так представлялось весьма двусмысленным. Инспектора учебного округа не отказали себе в удовольствии и затронули эту чрезвычайно болезненную струну. Им были известны все перипетии этой драмы и скандальная роль, которую в ней играл я. И напоминая мадам П. об этом, в какой бы то ни было форме, они заставляли ее снова пройти через все муки стыда, унижения, ставили под сомнение ее честь и задевали болезненную гордость. В подобных обстоятельствах бедная женщина, вероятно, много раз

прокляла тот день, когда приняла меня в свою семью. Ее материнское сердце, должно быть, разрывалось, когда ужасные мысли терзали ее рассудок; думаю, в душе она безжалостно упрекала себя за свою длительную слепоту, которая, однако, была вполне объяснима тем, что заподозрить свое дитя было выше ее сил. И все же, Боже мой! Она была женщиной, и ее силы тоже были не безграничны!

Через месяц после того, как я оставил Париж, я получил предписание прибыть в распоряжение начальника службы эксплуатации железных дорог. Я выехал, но до этого отправился в последний раз повидать Монсеньера. Мысль о том, что я надолго расстанусь с ним, была для меня очень тяжела. Ведь так редко случается встречать подобных людей, в которых все лучшие душевные качества соседствуют с глубоким умом. Исключительное положение, в котором Его Святейшество со мной познакомился, особенно его тронуло. Если так можно сказать, он ко мне привязался. Добрый прелат взял меня за руку и, с чувством прижав меня к своему сердцу, благословил меня. Я был слишком взволнован. Я сумел лишь молча склонить голову и, пятясь назад, пробормотать слова благодарности.

Моя мать пролиwała слезы, расставаясь со мной, и несмотря на все мои усилия, должен признаться, что со мной происходило то же самое. Через двадцать четыре часа нас уже будет разделять расстояние в двести лье. Это было впервые, так что слезы горя были вполне допустимы. По правде говоря, мы надеялись еще свидеться. Однако с моим достопочтенным благодетелем мсье де

Сен-М. дело обстояло иначе. Он был уже на краю могилы и не мог на это надеяться. «Мой бедный Камилл, – сказал он мне, сдерживая рыдания, – мы больше не увидимся!» Его рука сжала мою руку. Я чувствовал, что она дрожит.

Не знаю ничего более душераздирающего, чем плачущий старец. О! я чувствовал, что не могу вынести этой скорби, свидетельствующей о самой глубокой и сильной привязанности. И действительно я чувствовал, что он относился ко мне, как отец, я знал это, и как же я этим гордился!

Достопочтенный старец, покойся с миром в своей могиле!! Смерть оборвала твою жизнь, посвященную добрым делам и благородным поступкам, которые были лучшей наградой для твоей возвышенной души! Если бы ты мог услышать мой слабый голос! Он возвестил бы тебе, что в этом мире есть сердце, которое не может тебя забыть.

Однако его уже здесь нет! Эта смерть разрушила привязанность, которую ничто в мире не сумело мне заменить!!! Я даже не смог быть рядом с ним в последние минуты его жизни. Он чувствовал, что приближается конец. С ним случился ужасный приступ, однако он успел все же произнести имена тех, кого любил, и попрощаться с моей матерью. Соединив руки своей дочери и моей матери, глядя на них и повторяя мое имя, он тихо угас.

С того дня прошло уже два года. Но я до сих пор храню воспоминания о нем в моем сердце. Я просто обожал его, и это было последней, единственной радостью в моей жизни! Ах! Только теперь, ощущая лишь горечь и отвращение, я понимаю,

какая ужасная пустота образовалась в моей жизни с его уходом!

Теперь же я один!.. один!.. навсегда! Брошенный всеми, изгнанник среди себе подобных! Эх! О чем это я! Имею ли я право называть так тех, кто меня окружает? Нет, у меня нет такого права. Я один! С моего приезда в Париж начинается новый этап моего двойственного и странного существования. В течение двадцати лет я воспитывался среди девушек и начал с того, что два года исполнял обязанности горничной. В шестнадцать с половиной лет я поступил в педагогический институт. В девятнадцать лет я получил диплом учительницы, через несколько месяцев я уже управлял довольно известным в округе пансионатом, а в двадцать один год оставил этот пост. Это было в апреле месяце. А в конце того же года я уже оказался в Париже, в службе железных дорог...¹

Ты проклят всеми, но вынужден влачить свою участь! Этот мир, к которому ты тянулся, не для тебя. А ты не создан для него. В этой огромной вселенной, где столько горя, ты тщетно пытаешься найти уголок для себя. Твое горе мозолит глаза всем. Оно нарушает все законы природы и человеческие. Ты никогда не сможешь успокоиться у домашнего очага. Даже твоя жизнь является скандалом, который заставит покраснеть юную девственницу и скромного подростка.

---

¹ Здесь рукопись обрывается. Следующие страницы представляют собой лишь обрывки текстов, которые попали в руки А. Гардые. (примечание Мишеля Фуко)

Среди опустившихся женщин, которые улыбались мне, чьи губы касались моих, наверняка были такие, которым хотелось поскорее освободиться от моих объятий, казавшихся им прикосновениями рептилии. Ну что ж! Я-то никого не проклинаю. Да, я прошел мимо вас, не оставив и легкого следа. О люди! Я не осквернил своих губ свойственными вам клятвопреступлениями, а своего тела – жалкими совокуплениями. Мое имя никогда не изваляет в грязи неверная супруга. Все эти ужасные язвы, которые вы выставляете на всеобщее обозрение, миновали меня.

Я лишь вдыхал аромат этого позолоченного кубка. А вы выпили его до дна, испытав стыд, бесчестье, однако все еще не удовлетворены. Так оставьте вашу жалость себе.

Возможно, вы в ней нуждаетесь больше меня. Я же парю надо всеми вашими бесчисленными невзгодами, и моя участь сродни доле ангелов, ибо, как вы сами сказали, мне не место в вашем ограниченном мирке. Вам принадлежит земля, а мне весь бескрайний мир. Вас держат здесь тысячи грубых материальных связей, которыми вы опутаны, и вам никогда не суждено познать бескрайний чистый Океан, питающий мою истомленную жаждой душу, блуждающую по вашим огненным пустыням.

Моя душа, изначально защищенная непорочностью, застыла в изумлении, взирая на эту светлую и чистую вечную вселенную, сулившую ей в будущем желанное успокоение. О! кто в состоянии описать самозабвенные порывы души, которую не привязывает к человечеству ничто земное!

И какими глазами она наблюдает за этим ограниченным мирком, где бушуют страсти, низкая злоба, корысть! А ведь именно на меня обращено ваше оскорбительное презрение, ибо я для вас – обездоленное, безымянное создание!

Разве у вас есть на это право? Ведь вы уже давно деградировали, вы жалкие и бесполезные презренные игрушки испорченных личностей, а гордитесь этим, как заслугой. И вы пытаетесь изобразить передо мной сарказм и оскорбить меня? Ах! Ах! Ну да, гордитесь, у вас есть на это право.

Вы покрыты грязью и считаете, что она свидетельствует о вашем благородстве. Это мне следовало бы пожалеть вас, несчастные опустившиеся создания, растратившие в погоне за жалкими удовольствиями все свои душевные силы, почти лишившиеся разума, чистый свет которого должен был бы вести вас по дорогам жизни. Да, мне жаль вас, ибо вы не страдали. Для того, чтобы страдать, необходимо благородное щедрое сердце, возвышенная душа. Но настанет час расплаты, если он уже не настал. И тогда вы ужаснетесь жуткой пустоте своего существования.

Несчастные! Вы ничем не сумеете его заполнить. И на пороге вечности о чем вы будете сожалеть? О жизни. Перед лицом бессмертия вы будете сожалеть о пыли, о пустоте!

Это я вам говорю, тот, кого вы попирали ногами, я выше вас и имею на это право в силу своей нематериальной природы, девственности и долгих страданий.

Я говорю о страданиях, и это правда, ибо я тоже проводил безумные ночи, полные жарких

страстей, которые мне суждено было познать лишь в фантазиях.

По вечерам, глядя на проходивших в свете ярких огней женщин, чьи наряды только и можно было назвать прекрасными, в отличие от их давно увядших лиц, я ощущал тайную дрожь. Порой сидя, охваченный грустью, в партере театра, я устало оглядывал окружающую меня толпу, и втайне анализировал все эти радости, завуалированные различными речами, улыбками, пожатиями рук, сулившими блаженство. Ах! Не верьте! Конечно же, я не мог без зависти ощущать эти электрические разряды, бывшие буквально отовсюду. Нет. Я был молод. И мне также хотелось занять свое место на этом любовном пиршестве. Но я был предназначен лишь Богу... и никому больше. И до того, как достичь полного отрешения души, истомленной в борьбе, о! можете поверить, я жестоко страдал!

Среди горестей, однако, меня преследовала одна безумная иллюзия, в которой, несомненно, меня можно упрекнуть. Но кто осмелится сделать это? Ведь меня полюбила девушка, причем так, как любят впервые в жизни. По крайней мере, она в это верила.

В своем великодушном неведении она не требовала ничего больше тех скромных утех, которые я ей открыл. Позже она забыла обо мне, и это меня убило. Тем самым я в полной мере осознал свое положение, которого какое-то время не замечал.

Именно тогда, когда меня лишили моей единственной отрады, я прекрасно понял, какие тяжкие жертвы мне пришлось принести во имя долга.

В один миг я благородно порвал со всеми воспоминаниями о своем прошлом. Будучи еще молодым, я похоронил себя живьем, обрек на вечное одиночество, которое подстерегает меня всюду, среди шумной толпы я остаюсь неведомым изгнанником!

Разум вернулся ко мне. Он помог мне обрести забвение, однако не покой и не счастье. Увы! Счастье так мне и не улыбнулось.

С тех пор прошло много дней. Я до дна испил эту чашу. И теперь лишь в мыслях я продолжаю беседовать с милым призраком угасшей любви. Порой я переносусь в те так быстро ушедшие дни, полные святой нежности, целомудренных мечтаний, когда я, юноша среди девушек, своих сестер и подруг, ощущал так необходимые мне для жизни нежное родственное сочувствие и понимание, которые ничто не омрачало.

В этих воспоминаниях нет горечи. Они утешают меня в моих разочарованиях. Это благоуханный оазис, служащий убежищем для моей израненной в тяжких битвах души. Сегодня я уже спокойно смотрю в мрачное будущее, назначенное мне неумолимой судьбой.

Чувствуя глубокое отвращение ко всем и ко всему, я переносу без особых волнений людскую несправедливость, ненависть и лицемерие. Они не способны ранить меня, ибо я нашел для себя надежное убежище.

Между ними и мной лежит пропасть, непреодолимый барьер... Я бросаю им вызов.

30 мая 186... – Господи! Господи! Чаша моих страданий все еще не осушена! Так значит Твоя

могущественная длань протянута ко мне лишь для того, чтобы ударить, чтобы разбить это и без того измученное сердце, в котором уже нет места ни для радости, ни для ненависти? И мое одиночество может стать еще больше, а моя тоска еще острее?

О! прошу пощады, о Боже! Пощады, ибо я умираю, охваченный медленной и ужасной агонией, ибо мои силы покидают меня, ибо капля воды уже стала океаном. Он затопил все тайники моего существа.

Под моими ногами образовалась огромная пропасть, которая все увеличивается, и я уже не могу взглянуть в нее, не испытывая ужасного головокружения. Порой мне кажется, что эта полная коварных ловушек земля вскоре осядет под моими ногами и поглотит меня навсегда!

Эта непрестанная борьба природы и разума каждый день все больше высасывает из меня силы и все ближе подводит меня к могиле.

Мне уже остались не годы, а месяцы, – возможно, дни.

Я ощущаю это с жуткой уверенностью, но как же эта мысль утешает и ласкает мою душу! Там меня ждет забвение, кончина. Там, безо всякого сомнения, несчастный изгнанник этого мира сможет наконец обрести родину, братьев, друзей. Там найдется место прокаженному.

Когда настанет этот день, какие-нибудь врачи начнут суетиться над моим прахом; они вновь заинтересуются уже забытыми вопросами, сделают новые открытия, будут исследовать все эти тайные страдания, обрушившиеся на одного человека. О

ученые мужья, просвещенные химики, чьи имена известны во всем мире, попытайтесь же проанализировать, если это возможно, все мучения, которые грызли, жгли это сердце до самого конца; все эти горючие слезы, которые затопили, иссушили его, заставляя сжиматься с ужасной силой!

Узнайте, как оно содрогалось от оскорбительного презрения, обид, грубой брани, горьких сарказмов, и тогда вы откроете секрет, который бережно хранит надгробная плита!..

Тогда вы получите представление о несчастном, которого всю жизнь все подло отталкивали, порой даже краснея, когда приходилось пожимать ему руку, которому отказывали в хлебе насущном и в праве на жизнь.

Ибо это я. Действительность угнетает, преследует меня. Что со мной будет? Не знаю. Где я смогу завтра найти себе работу, дающую кусок хлеба?

Вероятно, мне придется оказаться на паперти или пойти на преступление? Я приехал в Париж, и мне здесь нравится, ибо здесь меня никто не замечает, однако, возможно, мне придется как-нибудь вечером подстергать беззаботного прохожего, который снизойдет до того, что оскорбит меня и укажет на меня полицейскому. В какие двери я только не стучался!

Некоторые личности, знавшие меня, приняли меня у себя, и я просил, умолял прийти мне на помощь. Конечно, для них это не составило бы труда. В Париже они пользовались таким влиянием, что одного их слова было бы достаточно, чтобы дать мне возможность достойно зарабатывать на жизнь.

О! должен сказать, что всюду я слышал горячие заверения в расположении, которым по глупости верил. Глубокое заблуждение, от которого я очень быстро избавился. Наконец я понял, что отныне должен рассчитывать лишь на себя. Исчерпав свои жалкие сбережения, я вскоре познал тоску нищеты, муки голода. И так прошел целый месяц, я продолжал просить, однако результат всегда оказывался отрицательным.

Мне оставалось последнее, и я смирился с этим, считая, что на сей раз нашел спасение.

Я решил наняться слугой в один из многочисленных особняков, которыми кишит Париж, и явился в бюро по найму прислуги. Вы уже прислуживали? Таков был вопрос, который мне задали сразу же.

Я ответил отрицательно, и мне сообщили: «Вряд ли вы что-нибудь найдете, однако заходите, попробуем».

Увы! Я приходил к ним каждый день, и каждый день выслушивал удручающий ответ.

Мне известно, что я неизменно вызываю в окружающих сильнейшее удивление.

Все эти юные существа, чьи лица излучают присущую им радость жизни, похоже, читают на моем челе некую путающую истину, тайна которой от них ускользает.

Мой холодный неподвижный взгляд, казалось, леденит их и вызывает в них почти что уважение.

Как определить это странное ощущение, которое постоянно сопровождает мое появление? У меня это не получится. Однако я совершенно точно знаю о нем.

Даже те, кто его испытывает, не способны его объяснить.

Жизнерадостные молодые люди с левого берега, будущие ученые, работающие в надежде на грядущий успех, перемежая поцелуи с чашками кофе, люди, которых я вижу практически каждый день в ресторанах, также не могут понять некую присущую мне мрачную угрюмость, которую невозможно объяснить у человека двадцати восьми лет. Порой я улыбаюсь своим симпатичным соседкам по столику, но ни одна из них не смогла бы назвать имя милашки, разделяющей мое одиночество. А ведь они с уверенностью могут сообщить подобную информацию о любом здешнем студенте, ибо они все друг с другом знакомы или же состоят в любовной связи. Они в курсе малейших изменений личной жизни своих знакомых, они практически каждый день меняются между собой кавалерами.

По поводу местных нравов можно было бы написать интереснейшее научное исследование. Не будучи замешан ни в одной интриге, отказавшись от роли в этой комедии, я часто наблюдаю за странными сценами между этими влюбленными парочками. Я выступаю исключительно в роли зрителя и почти всегда прихожу к выводу, что моя роль самая лучшая.

Я могу судить, ибо всегда гордо наблюдаю со стороны. Настоящий опыт, который мне помогло приобрести женское сердце, ставит меня гораздо выше знаменитых критиков, чьи суждения, должен сказать, не раз поражали меня своей фальшью.

Дюма-сын, помимо прочих, тщетно пытался проникнуть за эту завесу, которую ему удалось ото-

двинуть лишь наполовину, а для глаз профанов она и вовсе остается непроницаемой.

Он понял, что дальше ему не пробраться.

И действительно, ему пришлось остановиться, хотя он был движим мощным порывом. Почему? Он не знал пароля, дающего доступ в святилище. Он заблудился в безвыходном лабиринте и вышел оттуда изнеможенным и побежденным; однако ему так и не удалось постичь эту науку, на знание которой претендовал, но которую так и не суждено узнать ни одному мужчине.

Следует ли сожалеть о подобном положении? Нет. О! нет.

Должен сказать, что мне кажется, и я в этом совершенно убежден, что здесь существует не столько невозможность, сколько необходимость, вынужденная граница, которую мужчине переступить опасно. Этому противятся его способности, и от этого зависит его счастье.

Я же явился исключением, с чем я себя отнюдь не поздравляю, однако мне вместе со званием мужчины было дано на личном опыте глубоко проникнуть во все повадки, все тайны женского характера. Я читаю в их сердцах как в открытой книге. Мне знакомо каждое их трепыхание. Одним словом, я знаю секрет женской силы и меру ее слабости, возможно, поэтому из меня вышел бы ужасный муж; я чувствую, что все радости брака были бы для меня отравлены, и, возможно, я бы стал жестоко злоупотреблять своими огромными преимуществами, которые обернулись бы против меня.

После того, как я несколько раз приходил в бюро по найму, там решили дать мне рекомендательное письмо к одной даме, которая искала слугу.

Мадам графиня де Ж. жила в небольшом особняке на Фобур Сент-Оноре.

Я застал ее одну в просторном салоне, где она писала. Она взяла письмо, села у огня и задала мне несколько вопросов, к которым я уже был готов. Я никогда не прислуживал, и это было непреодолимым препятствием.

Я бы мог спокойно ей сказать: я был горничной. Однако подобный ответ показался бы настолько невероятным...

Тем временем, мы подошли к решающему вопросу.

«Здесь, – сказала мне дама без особой приязни, – вы смогли бы быстро научиться всему, однако вы кажетесь мне слабым, хрупким, и мало подходите для подобной работы. Так что я не смогу взять вас к себе».

И меня отослали.

К несчастью, она говорила правду.

Я слаб и с виду кажусь болезненным. Учитывая это, лучшее место для меня было бы в больнице. Несомненно, это меня, в конце концов, и ожидает.

Время от времени я навещал одну элегантную молодую женщину, муж которой управлял великолепным кафе в Пале-Рояле.

Мы с ней были в самых дружеских отношениях. Она немного знала мою семью, и необычные события моей жизни до крайности возбудили ее женское любопытство. Следовательно, учитывая

присущую ее полу ловкость, она постоянно находила способ перевести разговор на эту тему, все время ожидая каких-то невероятных подробностей, на которые я был не особенно способен, даже ради нее.

Однако я не считаю, что мои воспоминания стоят того, чтобы трепать их на каждом углу. Ведь в моей жизни бывали ситуации, которые мало кто способен оценить, и конечно же, в наше время всегда найдутся грубые личности, готовые глупейшим образом интерпретировать все факты и вещи, и эти интерпретации могли быть для меня опасными, в чем я иногда имел возможность убедиться лично.

Могу привести тому пример. Дело было на одной железнодорожной станции. Заместитель начальника бюро беседовал со мной о моем странном прошлом. Он доверчиво считал, что однажды я *стала* предметом увлечения какого-то юноши и *уступила* его желаниям, таким образом, выяснился мой настоящий пол. Отсюда ясно, до чего могут дойти попытки меня понять, и какие серьезные последствия они могут иметь для меня и для моего спокойствия.

Я был принят на временную должность в финансовое управление, где провел несколько месяцев в ничем не замутненном спокойствии, надеясь получить постоянную работу. Однако этого не случилось. В компании произошли перемены, которые вынудили ее сократить персонал. Меня поблагодарили, правда, обнадежив, что есть возможность позже восстановить меня на моем посту, однако никакой уверенности в этом не было.

И вот я снова ищу возможность заработать на хлеб. Мои сбережения могли позволить мне протянуть месяц. В этих условиях я мог считать себя богачом. Ведь мне нужно так мало. Того, что я съедаю за весь день, с трудом хватило бы на завтрак молодому человеку моего возраста, если, конечно у него хороший желудок.

Что касается беспокойства, могу утверждать, что я ничего подобного не испытывал.

Мне кажется, что каждый выпавший мне на долю день может стать последним в моей жизни. И естественно, никакого страха я при этом не чувствую.

Чтобы понять подобное безразличие в двадцать девять лет, нужно, как и я, быть приговоренным к самой мучительной изо всех пыток, к вечному затворничеству. Мысль о смерти, которая обычно вызывает отвращение, была для моей изболевшейся души несказанно сладостной.

Вид могилы примиряет меня с жизнью. Не могу выразить всю несказанную нежность, которую я ощущаю к тем, чьи кости покоятся под моими ногами. Этот незнакомый мне человек становится моим братом. Я сливаюсь с этой душой, свободной ото всех земных уз; будучи пленником, я всеми силами призываю миг, когда мне будет позволено соединиться с ним.

Чувства переполняют меня до такой степени, что мое сердце буквально растворяется в радости, надежде. Я бы мог заплакать, но сладкими слезами.

Все описанное здесь я испытывал много раз, ибо больше всего в Париже любил гулять по

кладбищам Пер-Лашез и Монмартра. Я с детства с огромным почтением относился к мертвым. Временное положение грозило затянуться надолго; мои финансы таяли, наводя меня на грустные размышления.

Даже учитывая перспективу получения новой должности, эта ситуация не могла продолжаться, ибо я уже дошел до того, что задавал себе вопрос, чем завтра буду питаться.

А вам, мой читатель, пожелаю никогда не узнать того ужаса, что содержится в моих словах.

Подобная ситуация, если она длится долго, может довести несчастного, попавшего в нее, до самых ужасных крайностей. И с того дня я постепенно начал лучше понимать самоубийство и оправдывать его.

Комментарии здесь не требуются.

Сколько раз, грустно сидя на скамейке в Тюильри, я постепенно позволял себе спуститься по этой ужасной наклонной плоскости, откуда нет возврата, увы! Она ведет к страху, унижению, моральному разложению.

О! сколько раз в это время я завидовал тем, кто спит вечным сном в могиле, последнем приюте рода человеческого. За что же, Господи, вы позволили продлиться до этого дня жизни, бесполезной для всех и невыносимой для меня? Вот одна из тайн, которые не дано разгадать человеку.

Я был в тягость всем и себе самому, не испытывая ни малейшей привязанности, не имея никаких перспектив когда-либо ощутить на своем скорбном страдальческом челе нежный и чистый луч.

Нет, ничего подобного. Постоянное одиночество, затворничество, злобное презрение.

За несколько дней до этого, доведенный до крайности, я вынужден был обратиться к своей доброй бедной матери.

Поймете ли вы, как тяжело было решиться на это сыну, знавшему, каких лишений будет стоить эта помощь!

Мало того, что я был бессилен сделать счастливыми последние дни той, которой был стольким обязан, но я еще и собирался посягнуть на ее и без того скудные сбережения.

Могу с уверенностью сказать, что это было самым тяжким из всех выпавших на мою долю испытаний.

Сейчас я расскажу о роковом решении, на которое меня подтолкнуло глубокое отчаяние, пережитое мною за последние дни. Однажды утром у сада Тюильри я встретил агента одной крупной судоходной компании, с которым я познакомился несколькими годами ранее и который, по моему мнению, должен был находиться где-то в Бретани.

Я прошел мимо, не заговорив с ним, ибо он не узнал меня. Позже, размышляя об этой странной встрече, я решил, что это было счастливое предзнаменование, сулящее новое будущее.

У меня сохранились прекрасные воспоминания о наших отношениях, вот почему я был уверен в том, что он может поддержать меня в создавшейся ситуации.

Через день я отправился к нему с визитом в главное управление компании и не скрывал от

него своего сложного положения. Должен признать, он этим заинтересовался. Он принял меня даже с большим участием, чем я того ожидал.

Я просил у него всего лишь взять меня на борт какого-нибудь судна в качестве юнги. Мое предложение сильно его удивило.

Он бы хотел предложить мне что-нибудь лучше.

С другой стороны, он указал мне на некоторые сложности, мешавшие реализации моего плана.

Начнем с того, что компания набирала на эти места только людей, которые уже привыкли находиться в море. «Кроме того, – сказал он мне, – учитывая ваш прежний образ жизни, не думаю, что вы сумеете выполнять подобную работу. Конечно, если вы на этом настаиваете, я готов помочь вам. Возможно, мне даже удастся облегчить ваше положение на борту, порекомендовав вас одному из моих друзей, ответственному за административно-финансовую часть «Европы».

Я согласился без колебаний. «Ну хорошо, – сказал он мне, – я поговорю с директором. Но неплохо, если бы вы принесли для него рекомендацию от какого-нибудь депутата, к примеру.»

На следующий день я пришел с письмом, которое без труда получил у депутата моего округа, мсье В.

Все складывалось таким образом, что отступить было нельзя. Я это прекрасно чувствовал. И не раздумывая, устремился вперед, дабы лишиться себя возможности к отступлению.

Я начал действовать, не посоветовавшись ни с кем, ни со своей матерью, ни с друзьями, ибо

хотел известить их лишь в момент своего отъезда. Они бы точно стали меня отговаривать, если бы узнали, какую должность я собирался занять. Однако они этого никогда не узнали.

«Европа» только что прибыла в Гавр, так что вскоре я должен был получить ответ.

Тем временем, я получил предписание явиться в прежнюю компанию, дабы снова занять там свое место. Это письмо, которое должно было меня порадовать, привело меня в уныние. Я оказался в затруднительном положении. Что делать? Но все было просто, и я не мог выбрать одновременно и то, и другое. Следовало посоветоваться с моим великодушным покровителем, откровенно признаться ему во всех своих действиях и последовать его рекомендациям. Но я этого не сделал.

К несчастью, я редко способен совершить правильный выбор. Торопливость до добра не доводит. И эти события – лишнее тому доказательство. Я решил хранить молчание и ожидать развития событий.

Поскольку мой отъезд в Соединенные Штаты должен был состояться только через месяц, ничто не мешало мне временно занять должность, которую мне предлагали. И я так и сделал.

Меня вернули на прежний пост, и я мог надеяться, что это продлится достаточно долгое время. Мне вскоре дали это понять. Я же старался отгонять прочь мысли об этом, чтобы больше втянуться в неосторожный план, реализации которого ожидал.

Так прошел месяц.

По мере того, как приближалась развязка, я испытывал тайную тоску. Я был так счастлив в настоящем. Зачем же было стремиться к непонятному будущему? Единственная причина – я считал себя обязанным. Прекрасное оправдание, особенно если речь идет о вашей судьбе.

К этому страху прибавлялось нежелание расставаться с людьми, которые так хорошо ко мне относились. Эта мысль была для меня невыносимой, душераздирающей. Одним словом, у меня еще была возможность вернуть душевное равновесие, решительно отказавшись от выбора, который я слепо считал своим долгом. Это проклятое упрямство, думаю, было связано отчасти с дурно понятым самолюбием. И я не хотел отступить перед решением, которое, действительно, принял весьма энергично, хотя и под давлением отчаянного положения. Жребий был брошен. И я принял его.

Администратор «Европы» ответил своему другу, что возьмет меня на борт, но только как юнгу, поскольку правила противоречат тому, чтобы даже изредка использовать меня как писаря. Это письмо было холодным, многозначительным, и я снова почувствовал нерешительность: даже сам мсье М. не торопил меня соглашаться. Ему было грустно, что я собирался отправиться в море на таких условиях, однако он льстил мне надеждой, что мое положение впоследствии улучшится и что он постарается мне помочь.

Я изо всех сил старался бороться с тем, что казалось мне слабостью, и, чувствуя, как мое сердце сжимается от предчувствия, весь дрожа, произнес

слова окончательного согласия. Это было в четверг, а мой отъезд был назначен на следующий понедельник.

Я тут же написал своей матери, чтобы предупредить ее, воздержавшись однако от детального описания обязанностей, какие я отныне должен буду выполнять. Она бы очень расстроилась.

Одна мысль об этом путешествии была для нее слишком тяжела, чтобы я еще увеличил ее тоску подобным признанием.

Понятно, что в присутствии моих покровителей я проявлял такую же сдержанность.

Было слишком поздно советовать мне или же меня упрекать. Меня никто не отговаривал, считая, что мне сделали очень выгодное предложение. Я не разубеждал их, ибо только это в некоторой степени могло оправдать мое поведение.

Что за странное ослепление могло заставить меня войти в эту нелепую роль? Я не сумею сам этого себе объяснить. Может быть, жажда неизведанного, которая так естественна для человека.

.....

В феврале 1868 года в одной комнатухе в квартале Одеона был обнаружен труп Абея Барбена, который покончил с собой при помощи угарного газа. Он оставил рукопись, которая приведена выше. (М.Ф.)

ДОСЬЕ

Мишель Фуко

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Я решил ограничиться тем, что собрал здесь некоторые документы, касающиеся Аделаиды Эркюлин Барбен. Другие столь же необычные судьбы, которые, начиная с 16 века, создали для медицины и, особенно, для юриспруденции массу проблем, будут рассмотрены мной в одной из частей «Истории сексуальности», посвященной гермафродитам. Однако здесь вы не найдете ни одного исчерпывающего исследования, какие были представлены в случае с Пьером Ривьером¹.

1. Начнем с того, что здесь отсутствует часть мемуаров Алексины. Вроде бы Тардье получил полную рукопись из рук доктора Ренье, который констатировал смерть и произвел вскрытие. Он оставил ее у себя, но опубликовал лишь показавшимся ему важным отрывок. Он опустил последние годы жизни Алексины, так как, по его мнению, они состояли из сплошных стонов и жалоб, не представляющих никакого интереса. Несмотря на поиски, рукопись, попавшую к А. Тардье,

---

¹ Пьер Ривьер, известный убийца XIX века, чье дело было детально исследовано Мишелем Фуко в посвященной этому случаю работе в 1973 году.

обнаружить так и не удалось. Воспроизведенный здесь текст был опубликован Тардые во второй части его труда «Вопросы идентичности».¹

2. В Архивах департамента Шарант-Маритим было обнаружено несколько документов (некоторые поступили из инспекции учебного округа), где упоминается имя Аделаиды Барбен. Я привожу здесь те, которые кажутся мне наиболее показательными.

3. Имя Алексины часто упоминается в медицинской литературе конца 19 и начала 20 века. Все приведенные тут отчеты взяты мной из первоисточников, а не из публикации Тардые.

4. Всем известно, сколько за последние годы было издано так называемой «медико-либертенской» литературы. Порой она создавалась на основе клинических исследований. История Алексины, например, легко прочитывается в одной из частей весьма необычного романа, озаглавленного «Гермафродит» и опубликованного под именем Дюбари в 1899 году.

---

¹ «Судебно-медицинские вопросы идентичности и их связь с неправильным формированием половых органов». (Париж, 1874). Первая часть этого труда была опубликована в «Анналах общей гигиены» в 1972 г.

ИМЕНА И ДАТЫ

Аделаида Эркюлин Барбен родилась 8 ноября 1838 года в Сен-Жан-д'Анжели. Окружающие ее называли просто Алексина. Имя «Камилла», возможно, было придумано Тардье во время публикации отрывка из воспоминаний Алексины либо же, что более правдоподобно, ею самой. И это наводит на мысль, что она писала не только для себя, а еще и для читателей.

О значении большинства встречающихся в тексте аббревиатур можно легко догадаться.

1838-1853

Детство в Л., то есть в Сен-Жан-д'Анжели (по небрежности либо из-за неверного прочтения рукописи Сен-Жан-д'Анжели в некоторых местах обозначен буквой С.)

С 1845 по 1853 она находится в приюте, а затем в монастыре Урсулинок в Шаване.

1853-1856

Жизнь в Б., то есть в Ля Рошели.

1856-1858

Пребывание в педагогическом институте Олерона, находившемся под покровительством

сестер Ордена Послушания. Институт располагался в Д., под которым подразумевается Шато. Настоящее имя директрисы, которую Алексина называет сестрой Мари-дез-Анж, на самом деле было Мари-Огюстин.

На прогулку воспитанницы отправились в Сен-Трожан.

1858-1860

Работа учительницей в Л. Местонахождение этого городка на «окраине департамента» так и не удалось установить.

1860

Возвращение в Ля Рошель.

Имя епископа, к которому отправилась Алексина, было Монсеньер Ж.-Ф. Ландрио. 20 июля 1856 года он был епископом в Ля Рошели, а впоследствии стал архиепископом Реймса.

Префектом был Ж.-Б. Боффэнтон, вступивший в должность 24 декабря 1856 года.

Имя врача Ля Рошели, написавшего первый отчет, было Шесне. Его отчет, опубликованный в 1860 году в «Анналах общественной гигиены», воспроизведен чуть ниже.

Председателя суда Сен-Жан-д'Анжели, 22 июля 1860 года принявшего решение об изменении гражданского состояния Алексины, звали де Боннежан.

МЕДИЦИНСКИЕ ОТЧЕТЫ

***

В своей книге *«Судебно-медицинские вопросы идентичности, связанные с неправильным формированием половых органов»* А. Тардьё представляет воспоминания Алексины Б. так:

«Необычный факт, который мне приходится здесь засвидетельствовать, является по сути одним из самых трагических и жестоких примеров роковых последствий, какие может повлечь за собой допущенная при рождении ошибка в определении гражданского состояния. Здесь перед нами предстанет жертва подобной ошибки, которая двадцать лет провела под обликом несвойственного ей пола, была охвачена непонятными ей самой страстями, в конце концов вырвавшимися наружу. Затем ей вернули ее половую принадлежность вместе с реальным осознанием собственной физической неполноценности, в результате чего она почувствовала отвращение к жизни и покончила с собой.

Этот несчастный до возраста двадцати двух лет воспитывался в монастыре и в пансионатах для девушек, выдержал экзамены и получил диплом учительницы, затем, вследствие самых

драматических и невероятных событий, изменил свое гражданское состояние, о чем судом Ля Рошели было принято специальное решение¹, но не смог вынести жалкого существования, навязанного ему его новой неполноценной половой принадлежностью. Конечно, в подобном случае внешние признаки женского пола получили существенное развитие, однако наука и право были вынуждены признать ошибку и вернуть молодому человеку его истинный пол.

Дискуссии и пересуды, жертвой которых стало это несчастное создание, описаны им самим на страницах, которые не может превзойти ни один роман. Трудно представить более захватывающую историю, изложенную настолько пронзительно. Это повествование могло бы показаться неправдоподобным, если бы не убедительные доказательства в виде вполне официальных документов. Я без колебаний привожу их здесь практически целиком, не желая терять содержащуюся в них ценную информацию, касающуюся, с одной стороны, влияния, оказываемого неправильным формированием половых органов как на эмоциональные способности, так и на моральные установки человека, и, с другой стороны, серьезных последствий для личности и общества, которые может иметь ошибочная констатация пола только что родившегося ребенка».

---

¹ Это ошибка. Решение об изменении гражданского состояния было на самом деле принято гражданским судом Сен-Жанд'Анжели. (М.Ф.)

***

Д-р Шесне. Вопрос идентичности; неправильное формирование наружных половых органов; гипоспадиас; ошибка в определении пола.¹

Я, нижеподписавшийся, доктор медицины, проживающий в Ля Рошели, в департаменте Шарант-Инферьер, уполномочен заявить следующее.

Ребенок, рожденный от супругов Б. в Сен-Жанд'Анжели, 8 ноября 1838 года, был определен как девочка и, хотя был записан под именем Аделаида-Эркуюлин, родители обычно звали его Алексина, каковое имя он сохранил до настоящего времени. Помещенная в школу для девочек и позже в Педагогический институт департамента Шарант-Инферьер, Алексина два года тому назад получила диплом учительницы, обязанности которой и исполняет в пансионате.

Поскольку она жаловалась на сильные боли в левой части паха, было решено направить ее к врачу, который при виде ее половых органов не смог сдержать изумления. Он поделился своими наблюдениями с начальницей пансионата, которая попыталась успокоить Алексину, сообщив ей, что ее ощущения обычны для ее сложения и ей не о чем беспокоиться.

---

¹ «Анналы общественной гигиены и судебной медицины», 1860, т. 14, стр. 206

Однако Алексина, заметив странное и необычное к себе отношение, а также услышав несколько вырвавшихся у врача во время осмотра слов, начала гораздо внимательнее, чем раньше, приглядываться к себе. Поскольку она каждый день общалась с девушками от пятнадцати до шестнадцати лет, она испытывала странные ощущения, от которых никак не могла избавиться. Несколько раз по ночам ее сны сопровождались необъяснимыми ощущениями, а утром она обнаруживала, что вся мокрая, а на белье остаются сероватые пятна, как будто от крахмала. Удивленная и встревоженная, Алексина рассказала о своем новом открытии одному священнику, который, также, без сомнения, весьма удивленный, обязал ее воспользоваться поездкой в Р., где жила ее мать, для того чтобы посоветоваться с Монсеньером. Она действительно отправилась в епархию, и после этого визита мне было предписано тщательно осмотреть Алексину и высказать свое мнение по поводу ее настоящего пола. Привожу результаты данного осмотра:

«Алексина, двадцати восьми лет от роду, брюнетка, ростом 1 метр 59 сантиметров. Черты лица неопределенные, нечто среднее между мужскими и женскими. Голос обычно женский, однако порой в разговоре или при кашле в нем проскальзывают низкие мужские нотки. Верхняя губа покрыта легким пушком, на щеках, особенно на левой, заметны несколько волосков. Грудь мужская, плоская, и соски на ней совершенно незаметны. Месячных у нее никогда не было к

великому отчаянию ее матери и врача, оказавшего бессильным, и так и не сумевшего вызвать у пациентки периодических кровотечений. Члены верхней части тела не имеют характерных округлостей, обычно свойственных женщинам; они смуглые и покрыты волосяным покровом. Таз и бедра совершенно мужские.

Лобковая область в избытке поросла черным волосом. Если раздвинуть бедра, то можно заметить продолговатую щель, проходящую от лобковой выпуклости до области ануса. В верхней части находится пенисообразное тело, длиной от основания до окончания примерно 4-5 см; оно имеет форму члена, головка которого покрыта крайней плотью, слегка приплюснутой снизу и неперфорированной. Этот маленький член, совершенно по своим размерам далекий как от клитора, так и от мужского полового органа в своем обычном состоянии, по словам Александрины, может раздуваться, твердеть и увеличиваться. Во всяком случае, эрекция в полном смысле этого слова должна быть весьма ограниченной, ибо этот несовершенный половой член удерживается снизу чем-то вроде уздечки, которая оставляет свободной лишь головку.

Большие губы, расположенные по обе стороны от щели, сильно выдаются вперед, особенно справа, и покрыты волосами; на самом деле, это две половинки разделенной пополам мошонки. И действительно, при ощупывании там чувствуется яйцевидное тело, подвешенное на канатиках семенных сосудов; это тело, развитое чуть

меньше, чем у взрослого мужчины, представляется нам ничем другим, как тестикулой. Справа оно полностью опустилось, слева остается вверху; однако оно подвижно и при нажатии постепенно опускается. Эти два шарообразных тела чрезвычайно чувствительны к сильному сжатию. По всей видимости, именно запоздалое прохождение тестикулы через паховое кольцо и вызвало сильные боли, на которые жаловалась Алексина и которые вынудили ее обратиться к врачу, который, узнав, что у Алексины никогда не было месячных, воскликнул: «Думаю, у нее их никогда не будет.»

На сантиметр ниже члена находится отверстие совершенно женского мочеиспускательного канала. Я ввел в него зонд и оттуда вытекло небольшое количество мочи. Вынув зонд, я попросил Алексину помочиться в моем присутствии, что она и сделала сильной, направленной горизонтально к уретре струей. Возможно, что и сперма исторгается так же на расстоянии.

Ниже уретры и примерно на два сантиметра выше ануса находится вход в очень узкий канал, куда, возможно, вошел бы мой мизинец, однако Алексина отстранилась, ибо это вызвало у нее болезненные ощущения. Я ввел туда женский зонд, и обнаружил, что этот канал примерно пять сантиметров в длину и заканчивается глухой перегородкой. Мой указательный палец, введенный в анус, почувствовал оконечность зонда через перегородку, которую можно назвать ректо-вагинальной.

Этот канал является чем-то вроде недоразвитой вагины, в глубине которой отсутствуют какие-либо признаки шейки матки. Мой палец, который я поднял как можно выше по прямой кишке, не смог нащупать сквозь стенки ничего похожего на матку. Ягодицы и ляжки сзади покрыты густым черным волосом, как у самых волосатых мужчин. Какой же вывод можем мы сделать из вышеприведенных фактов? Является ли Алексина женщиной? У нее есть вульва, большие половые губы, женская уретра, независимая от неперфорированного пениса, который, возможно, представляет собой чудовищных размеров клитор. Есть и влагалище, очень небольшое, узкое, однако что же это, если не влагалище? Это женские признаки: да, но у Алексины никогда не было месячных; внешне ее тело выглядит как мужское, при осмотре мне не удалось обнаружить матку. Ее вкусы, наклонности велят ей находиться с женщинами. По ночам ее преследуют сладострастные ощущения, за которыми следует выброс спермы, которой испачкано ее белье. И в конце концов, яйцевидные тела, канатик семенных каналов обнаруживаются на ощупь в разделенной мошонке. Вот это и есть истинные признаки пола; теперь мы можем сделать заключение и сказать: Алексина является мужчиной, несомненно гермафродитом, однако с очевидным преобладанием признаков мужского пола. Ее история в основном почти полностью совпадает с описанием факта, приведенного мсье Марком в «Словаре медицинских наук» в статье

«Гермафродит», и также процитированного Орфеем в первом томе «Судебной медицины». Маргарита-Мария, о которой говорят эти авторы, потребовала и добилась от суда в Дре исправления своего пола в актах гражданского состояния.»

***

Э. ГУЖОН. *Исследование случая частичного гермафродитизма у мужчин.*¹

Предварительные показания

В феврале месяце 1868 года молодой человек, служащий в управлении железных дорог, покончил с собой при помощи угарного газа в более чем скромной комнатухе, находившейся на шестом этаже дома на улице Эколь-де-Медсин. Гражданский врач г-н Ренье и комиссар полиции, уведомленные об этом событии, прибыли по месту жительства несчастного и обнаружили на столе оставленное им письмо, в котором он объяснял, что покончил с собой, дабы избежать страданий, которые постоянно его преследовали. Учитывая внешний вид трупа, а также показания местного консьержа, который каждый день видел этого юношу, не подозревая о том, чем можно объяснить страдания, на которые он намекал, эти

---

¹ «Журнал анатомии и физиологии мужчины», 1869 г.

господа решили осмотреть половые органы, предполагая, что они могут быть поражены сифилисом, который, как известно, очень часто вызывает в пораженных этим недугом личностях моральную деградацию и сильную депрессию, вполне вероятно способные подтолкнуть к самоубийству некоторых расположенных к меланхолии субъектов.

Во время осмотра г-н Ренье сразу же заметил сильнейшую аномалию внешних половых органов и констатировал один из ярчайших случаев мужского гермафродитизма. Действительно, как это станет понятно чуть позже, настолько ярко выраженное совмещение двух полов встречается чрезвычайно редко, если говорить о наружных половых органах. Мне указал на это доктор Дюплом, который, так же как и я, чрезвычайно боялся, чтобы эти наблюдения не пропали для науки, поэтому мы вместе попросили г-на Ренье воспользоваться своим влиянием на комиссара, дабы он позволил нам сделать вскрытие и извлечь некоторые органы, в наибольшей степени подвергшиеся аномалии. Мне выдали это разрешение, при условии, что мне будет ассистировать врач, занимающий официальную должность, тогда мы пригласили г-на Уэля, агреже медицинского факультета, которого, как и доктора Ренье, я бы хотел поблагодарить здесь за их замечательное бескорыстие, благодаря которому я сумел целиком и полностью изучить этот уникальный случай.

Приведенные здесь мной наблюдения несомненно являются самыми полными, какими в этой

области располагает наука, поскольку их объектом является вся жизнь индивидуума, так сказать, от рождения до самой смерти; кроме того, вскрытие было проведено со всей возможной тщательностью. Эти наблюдения являются исчерпывающими еще и потому, что подвергшийся им субъект позаботился о том, чтобы оставить нам длинные мемуары, посредством которых он посвящает нас во все детали своей жизни и сообщает о впечатлениях, возникавших у него в различные периоды его физического и умственного развития. Эти мемуары¹ представляют собой тем большую ценность, что созданы личностью, получившей определенное образование (он имел диплом учительницы и был признан лучшим на конкурсе педагогического института, вручившего ему этот диплом) и пытающейся осмыслить все испытываемые им ощущения.

Подобные случаи встречались и раньше. У Жофруа Сент-Илэра можно обнаружить наблюдения, чрезвычайно сходные с моими². Исследуемый нами гермафродит был записан в актах гражданского состояния как принадлежащий к женскому полу. Он воспитывался с юными девушками, среди которых провел свое детство и юность. Происшедшие позже физические

---

¹ Профессор Тардьё, в чьем распоряжении находились эти мемуары, любезно согласился мне их предоставить.

² См. Жофруа Сент-Илэр «История аномалий анатомии», Париж, 1836, п.8, т 2, стр. 30 и след., атлас, прилож. 4.

изменения заставили его просить об исправлении гражданского состояния, что, в конце концов, вернуло ему его истинный пол, то есть мужской, хотя поверхностный осмотр внешних половых органов склонял врачей к тому, чтобы причислить его к женщинам. Вот отрывок из его мемуаров, где он вскользь перечисляет все свои состояния:

«После переезда в Париж начинается новый этап моего двойственного и странного существования. Я воспитывался в течение двадцати лет среди девушек и начал с того, что два года исполнял обязанности горничной. В шестнадцать с половиной лет я поступил в педагогический институт. В девятнадцать лет я получил диплом учительницы, через несколько месяцев я управлял довольно известным в округе пансионатом, а в двадцать один год я оставил этот пост. Это было в апреле месяце. А в конце того же года я уже оказался в Париже, в службе железных дорог...»

Сделанное вскрытие позволяет изменить первое определение его половой принадлежности, с которым он прожил большую часть своей жизни, и подтвердить точность диагноза, не так давно вернувшего ему истинное место в обществе.

Из предшествующей формулировки становится ясно, что настоящий случай затрагивает некоторые вопросы физиологического и судебно-медицинского порядка. Формирование наружных половых органов этого индивидуума позволяло ему, хотя он и был по сути мужчиной, во время коитуса играть как мужскую, так и женскую роль;

однако и в том, и в другом случае он оставался стерильным. В этом акте он мог играть роль мужчины, благодаря неперфорированному подверженному эрекции пенису, который в это время достигал размеров, близких к размерам половых органов некоторых нормально сформировавшихся индивидов.

Как будет ясно позже из описания, этот орган скорее напоминал объемистый клитор, нежели пенис; действительно, порой у некоторых женщин клитор достигает размеров указательного пальца. Эрекция могла сопровождаться эякуляцией и сладострастными ощущениями, о чем он сообщает нам в своих мемуарах. Эта эякуляция происходила не через пенис, который, как я уже сообщил выше, был неперфорированным. Заканчивавшееся стенкой влагалища, в которое без помех можно было ввести указательный палец, позволяло ему также во время коитуса исполнять роль женщины. С этим влагалищем, расположенным на обычном для женщин месте, сообщались вульво-вагинальные железы, открывавшиеся по обе стороны влагалища и рядом с отверстиями двух других небольших каналцев, служивших для накопления и выброса спермы.

Я уже составил анатомическое описание интересующего нас субъекта, когда прочитал отчет профессора Тардье, производившего судебно-медицинский осмотр тела несчастного; в руки Тардье попало заключение известного врача из Ля Рошели, предназначенное для суда, обязанного исправить его гражданское состояние и вернуть

ему его истинный пол. Это заключение было очень точным и прекрасно составленным; я привожу его здесь целиком, и мне мало что остается к нему добавить в том, что касается наружных половых органов, не считая некоторых изменений, происшедших между двумя осмотрами. Вот это заключение¹. В момент, когда я приступил к осмотру трупа, отчету, который вы только что прочли, исполнилось уже почти восемь лет, а индивидууму, к которому он относится – почти тридцать. Этот несчастный очутился в жалком закутке, которых, к несчастью, еще так много существует в Париже, и которые, возможно, когда-нибудь совершенно исчезнут, благодаря неустанному прогрессу и стремлению к гигиене. Плохая кровать, небольшой столик и стул – вот и вся обстановка этого жилища, где с трудом могут разместиться четыре человека. В углу стоит небольшая полная пепла глиняная печь, рядом с которой на тряпке рассыпан древесный уголь. На кровати на спине лежит полуодетый труп; его лицо посинело, на губах запеклась черная пена и кровь. Его рост такой же, как указано в отчете Шесне; волосы черные, довольно густые и тонкие; борода также черная, но на щеках довольно редкая; особенно густая на подбородке и над верхней губой. Шея тонкая и достаточно длинная, с выступающим кадыком. По сведениям знавших его лиц, его голос был не особенно низким. Грудь обычных размеров и соответствует мужчине его сложения, на ней

---

¹ Гужон приводит здесь отчет Шесне, воспроизведенный выше. (М.Ф.)

почти нет волос, не считая тех, что окружают черные и плоские соски; что касается последних, то они ничем не отличаются от этой части тела других мужчин его сложения.

Состояние наружных половых органов

На пенисе, который сильно выдается вперед, в изобилии растут черные длинные и вьющиеся волосы, покрывающие также промежность и части, имитирующие примыкающие к анусу половые губы; такое расположение женщинам, как правило, не свойственно. Размещенный на обычном месте пенис длиной в пять сантиметров и диаметром в два с половиной сантиметра в вялом состоянии. Этот орган оканчивается неперфорированной головкой, сплюснутой с боков, на которой совершенно отсутствует крайняя плоть, образовавшая коронку у самого основания. Этот пенис, по своим размерам не превосходящий женский клитор, немного загнут книзу, в каковом положении его удерживает нижняя часть крайней плоти, которая теряется и сливается с кожными складками, формирующими большие и малые губы.

Чуть ниже пениса и на обычном для женщин месте находится мочеиспускательный канал. Туда легко входит зонд, проходя в мочевого пузыря, который мы таким образом и опустошили. Ниже уретры находится вагинальное отверстие, откуда в момент осмотра вытекло немного крови; доктор Ренье, присутствующий при осмотре, считает,

что это было вызвано неоднократным введением в него пальца.

Это действительно единственное подходящее к данному случаю объяснение; у осматриваемого субъекта, как было указано выше, никогда не было выделений крови из влагалища, и осмотр внутренних органов прекрасно это объясняет. Указательный палец легко вводится во влагалище, однако концом пальца не удастся нащупать ничего похожего на шейку матки; напротив, ощущается стенка.

Длина влагалища шесть с половиной сантиметров; на всем его протяжении в боковых стенках наощупь определяются небольшие твердые канатики, расположенные под слизистой оболочкой, являющиеся, как мы это увидим позже, эякуляционными канальцами, оканчивающимися по сторонам отверстия вульвы. Вагинальная слизистая оболочка гладкая и налитая кровью, на всем протяжении она покрыта плоским эпителием, сходным с тем, который покрывает женское влагалище. В этой слизистой оболочке присутствуют чешуйки. У входа во влагалище расположены круглые складки слизистой оболочки, однако они ничем не напоминают девственную плеву. В пространстве между складками крайней плоти, которые удерживают снизу головку члена, и входом во влагалище расположены многочисленные небольшие отверстия, экскреторные каналы желез, расположенных снизу, и при легком нажатии на кожу в этой области, видно, что из отверстий выделяется бесцветная желеобразная субстанция, являющаяся ничем иным, как густой слизью.

Анус расположен в трех с половиной сантиметрах от вульвы и не представляет собой ничего необычного. С каждой стороны от эректильного органа (пениса или клитора) расположены две объемистые кожные складки, представляющие собой две доли разделенной мошонки и образующие нечто вроде настоящего желоба, в котором находится этот орган. В правой, гораздо более объемной нежели левая, доле, расположена тестикула нормального размера, канатик которой легко прощупывается сквозь кожу до самого кольца. Левая тестикула до конца не опущена, и большая ее часть по-прежнему остается в кольце.

Осмотр внутренних органов

При вскрытии трупа видно, что лишь эпидидима левой тестикулы прошла через кольцо, и она меньше, чем правая; различные каналы скрещиваются позади и снизу от мочевого пузыря. Они расположены нормально относительно семенных мешочков, откуда начинаются два эякуляционных канала, которые выступают с двух сторон под слизистой вагинальной оболочкой и доходят до входа во влагалище. Семенные мешочки, правый из которых гораздо объемнее левого, наполнены спермой, которая имеет нормальные цвет и консистенцию. Микроскопический анализ этой жидкости, взятой как из семенных мешочков, так и из тестикул, не обнаружил в ней сперматозоидов. Однако в тестикуле, которая опустилась из кольца и в соответствующем семенном мешочке, обнаружены

округлые тела, напоминающие материнские клетки сперматозоидов или же мужские овулы Робэна. Тестикулярные трубы в той и другой тестикуле легко поддаются анализу, и микроскоп не выявляет в правой ничего аномального; однако в той, что слева, частично находящейся в брюшной полости, трубы заплыли жиром и паренхима тестикулы имеет желтоватый цвет, что отсутствует у другой.

В каждом из семенных мешочков находится небольшая полость, и я ввел туда немного молока, чтобы понять направление эякуляционных канальцев, это молоко вышло через отверстия вульвы, причем по обе стороны, как я уже указывал выше. Мочевой пузырь расположен нормально, объемистый; он растянут от введения воды и выступает над лобком. Его форма ничем не напоминает о присутствии матки и яичников. Только над задней стенкой так называемого влагалища находится плотная фиброзная ткань, к которой приросли семенные мешочки, которая поднимается гораздо выше мочевого пузыря и с каждой стороны придерживает вагину, напоминая в какой-то степени широкие связки, однако более тщательное расчленение не позволяет установить никакого сходства с маткой или же с яичниками. В глубине вагины никакого отверстия обнаружить не удалось, она оканчивается глухой стенкой.

Брюшина и мочевой пузырь в нормальном положении, ибо задняя вагинальная стенка была расположена далеко и ее ничто не могло повредить.

При расчленении сразу видно наличие двух вульво-вагинальных желез, по размеру и местоположению ничем не отличающихся от обычных,

и их небольшой экскреторный каналец, который выходит чуть ниже эякуляционных канальцев спермы; при сжатии эти железы выделяют достаточно большое количество липкой жидкости.

На уретре и по соседству с шейкой мочевого пузыря находится также небольшая железка, несомненно представляющая из себя слабо выраженную простату.

Обсуждение сходных случаев

Сколь бы странным ни казался тот факт, что заблуждение относительно пола индивида может продлиться так долго, науке известно достаточно примеров, некоторые из которых практически аналогичны тому, который нас интересует. Правда, как правило эти случаи не были подвергнуты тщательному медицинскому анализу, и часто физиологические особенности подлинного пола проявлялись лишь благодаря случайным обстоятельствам. Можно вспомнить случай, приведенный в мемуарах Жофруа Сент-Илэра, когда «монах-гермафродит, считавшийся мужчиной и желавший сохранить целомудрие, родил, тем самым продемонстрировав, что его пол отличается от пола его товарищей по монастырю.» (*Л. Ле Фор, «Неправильное формирование половых органов.»*)

Швайкхард также упоминает об истории индивида, записанного как девочка и считавшегося таковой до момента, когда он попросил позволения жениться на девушке, которая от него забеременела. У этого индивида головка члена также

была неперфорирована и уретра находилась под ним; струя мочи следовала в горизонтальном направлении, параллельно члену. Автор в этом случае не уточняет место выброса спермы.

Луи Каспер в работе, проанализированной Мартини, сообщает, что «однажды поступила жалоба беременной женщины, обвинившей в изнасиловании акушерку, которая совершила с ней коитус, после чего акушерку осмотрели. Было констатировано, что клитор, хотя и развитый больше, чем обычно, все же по своим размерам был явно недостаточен для осуществления коитуса; влагалище было настолько узким, что в него с трудом входил кончик мизинца, и что по бокам от него располагалась небольшая опухоль, позволявшая предположить наличие тестикулы.»

Примеры подобного рода можно было бы приводить и дальше, и для науки было бы весьма полезно, если бы все документы по данному вопросу были объединены в одном исследовании, которое стало бы ценным руководством для врачей, желающих высказать свое мнение и сделать заключение по поводу личностей, пораженных подобными аномалиями. Отсюда становится совершенно ясно, учитывая наблюдения, которыми мы располагаем, что часто очень трудно, а порой и невозможно определить при рождении истинный пол индивида. Однако в более зрелом возрасте его выявить уже проще, ибо тогда у людей, ставших жертвой ошибки, проявляются склонности и привычки, свойственные их истинному полу, и наблюдение за ними способно помочь им

найти свое место в обществе, если состояние и функции их половых органов не позволяют это сделать.

Учитывая все приведенные здесь факты, становится ясно – если в доказательстве этого еще была необходимость – что гермафродитизма в чистом виде не существует как у человека, так и у высокоорганизованных животных.

Часто некоторые плохо сформировавшиеся половые органы, обозначенные как гермафродитизм, удается исправить при помощи хирургического вмешательства. Некоторые особо выдающиеся примеры тому приведены в диссертации Леона Ле Фора: помимо прочих, в частности, случай Луизы Д., бывшей пациентки г-на Югье, которой этот хирург успешно сделал искусственную вагину. Также можно вспомнить наблюдения за Мари-Мадлен Лефор, о которой доктору Бекляру было поручено подготовить отчет в 1815 году, и которая умерла в 1864 году в Центральной больнице. Несмотря на чрезвычайно тщательный отчет г-на Бекляра, заключившего, что она была женщиной, большая часть хирургов и врачей, наблюдавших за ней в течение сорока лет в различных обстоятельствах, считали ее представительницей мужского пола. Вскрытие, произведенное г-ном Дакоронья, интерном больницы, где умерла Мари-Мадлен Лефор, полностью подтвердило правоту Бекляра, ибо она обладала всеми признаками указанного им пола и отличалась от других женщин лишь большим, нежели обычно, размерами клитора, а также неперфорированной вагиной, оканчивавшейся

довольно тонкой мембраной, которую было достаточно просто надрезать, чтобы эта личность окончательно обрела признаки своего пола. Впрочем, Бекляр как раз и предложил произвести эту операцию, когда ее осматривал.

Довольно долгое время этот вид аномалии пытались объяснить самыми разными причинами, и, в частности, многие прибегали к сравнительной анатомии. Однако с тех пор, как появились прекрасные работы г-на Коста и других современных эмбриологов, по большей части именно в эмбриогенезе и пытаются найти ответы на все подобные вопросы. И действительно, изучение эмбрионального развития показывает нам, что именно разнообразные воздействия на эмбрион по большей части и являются причинами различных деформаций или же патологий, которые нам не так уж часто встречаются, однако ими в основном занимается патологическая анатомия, наука о патологиях или же тератология. Так что я обращаюсь к эмбриогенезу, дабы попытаться пояснить состояние внешних половых органов субъекта, осмотр которого производил. Согласно г-ну Косту, формирование наружных половых органов начинается лишь на сороковой либо на сорок пятый день, в то время как внутренние половые органы начинают формироваться несколькими днями ранее. В этот период развития зародыша в месте хвостового отростка в небольшой постепенно увеличивающейся щели, которая позже соединяется с мочевым пузырем, вагиной и прямой кишкой, можно наблюдать два небольших округлых тела,

которые должны преобразоваться у мужчины в пещеристое тело члена, а у женщины в клитор и малые губы.

Эти две небольшие выпуклости соединяются сверху, а их остающиеся свободными нижние края образуют небольшой желобок, который у женщины остается неизменным, а у мужчины трансформируется в отдельный канал и представляет собой уретру. Если же у мужчины свободные края этой щели или же желоба не срастаются, то формирование происходит неправильно, и здесь мы обозначаем это термином гипоспадиас, что полностью соответствует исследуемому нами случаю.

Аналогия, которую можно провести между различными находящимися в женском влагалище и в мужской уретре железами позволяет нам утверждать, что вульво-вагинальные железы нашего субъекта – это те же железы Коупера или же бульбо-уретральные железы; железы, находившиеся в вагине возле глухой перегородки, были железами мужской уретры, а сама эта вагина, заканчивающаяся стенкой, является не чем иным, как ненормально сформировавшимся мочеиспускательным каналом.

Профессор Курти, который много занимался органическими аналогами, встречающимися в различных органах, очень ясно и убедительно указывает на аналогию между пленочной долей уретры у мужчин и вагины у женщин. «Действительно, вагина развивается в бластеме между прямой кишкой и мочевым пузырем, сразу же под средним апоневрозом промежности, когда в везико-ректальной

перегородке образуется канал, который с одной стороны соединяется с влагалищем, а с другой – с шейкой матки. Почти идентичным образом формируется пленочная доля уретры у мужчин: спереди от уретрального гребня (рядом с двумя каналами спермы), позади от щели или желоба пениса, который позже превратится в канал путем внутреннего сращения до луковицы.

Из этой аналогии, подтвержденной различными доказательствами, которые я не хочу здесь повторять, следует вывод, который может показаться парадоксальным, а именно, что у мужчины, грубо говоря, отсутствует мочеиспускательный канал как таковой, в отличие от женщины, у которой он существует. У мужчин канал, через который моча поступает из мочевого пузыря наружу, – есть не что иное, как аналогия вульвовагинального канала женщины, сформировавшегося иначе и предназначенного для другого использования. У мужчины мочеиспускательные пути непосредственно оканчиваются у шейки мочевого пузыря. Канал, который является их продолжением, по сути является частью гениталий и, если уж на то пошло, в первую очередь служит проводником семени. Он всего лишь *используется* для вывода мочи, ибо эта жидкость движется по нему из конца в конец, успешно проходя по доле простаты (шейка матки), мембранной доле (влагалище), пористой (преддверие): еще одно доказательство различий структуры или назначения, которые природа умудрилась придать органам в

основе своей идентичным.»¹ Расположение эякуляционных каналов у исследуемого мною субъекта вновь подтверждает теорию г-на Курти. Действительно видно, что при нормальном развитии этой уретры, трансформировавшейся в вагину, внешние отверстия этих двух канальцев соответствовали бы положению верумонтанума.

Среди вопросов, заданных судебной медициной по поводу обследования Алексины, выделяется вопрос, на который будет предложено ответить эксперту, а именно: о способности жениться и иметь потомство. Конечно, очень сложно однозначно ответить на подобные вопросы, однако, произведя тщательный анализ половых органов, я не считаю, что вправе ответить отрицательно как по поводу женитьбы, так и потомства.

Ведь истинной целью любого брака является продолжение рода, а Алексина обладал характерными для его пола органами, которые были способны выполнять свои функции. Расположения эякуляционных каналов не благоприятствовало тому, чтобы сперма направлялась прямо в глубину вагины, однако сегодня всем прекрасно известно, что оплодотворение может произойти даже если семенная жидкость лишь оросит края вагины. Науче известны многочисленные факты, когда субъекты, пораженные гипоспадиасом, чье наружное уретральное отверстие было более или менее приближено к мошонке, становились отцами

---

¹ А. Курти, «Болезни матки и ее придатков.» Париж, 1867, стр. 37

нескольких детей, и в этом случае отцовство неоспоримо доказывала наследственная передача детям характерных для родителя неправильно сформированных половых органов. В семенной жидкости, взятой из везикулы, соответствующей опустившейся тестикуле, в нашем случае при исследовании сперматозоидов обнаружено не было; тем более в сперме, взятой из везикулы тестикулы, которая осталась зажатой в кольце, их также не было¹, и, похоже, также обстоит дело со всеми тестикулами, которые не опускаются на положенное место; однако подобное положение, скорее всего, было временным для полностью опустившейся тестикулы Алексины, и, вероятно, в другое время присутствие сперматозоидов в его семенной жидкости обнаружить было бы можно. Прекрасно известно, что у совершенно здоровых на вид мужчин порой по тем или иным причинам в какое-то время отсутствуют сперматозоиды, хотя затем они вновь могут появиться. Возможно, это также относится к исследуемому нами субъекту. В отличие от примеров Фоллэна, многочисленные и интересные наблюдения монорхидии, приведенные Э. Годаром, убедительно показывают наличие сперматозоидов в семенной жидкости индивидов, имеющих в мошонке всего лишь одну тестикулу.

---

¹ Фоллэн также приводит наблюдения за индивидами, у которых лишь одна тестикула находилась в мошонке и у которых нигде не было обнаружено сперматозоидов. (см. также исследования Годара «О монорхидии и крипторхидии». Т. 1, 1860, и «Отчеты и мемуары Общества биологии», 1859 г.)

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРЕССЫ

***

«По нашему городу ходят слухи о странных необычайных метаморфозах, никогда не встречавшихся в медицине, и мы хотим рассказать об этом подробнее, основываясь на полученной из надежного источника информации.

Юная девушка, двадцати одного года, учительница, выделявшаяся среди сверстниц возвышенными устремлениями сердца и прекрасным образованием, скромная и набожная, жила до сего дня в полном неведении относительно самой себя, то есть считала, что является такой, какой ее воспринимают окружающие, хотя, по мнению людей более искушенных, в ней присутствовало нечто, что поначалу может показаться настолько удивительным и невероятным, что с трудом укладывается в голове; однако христианское образование молодой девушки, подобно плотной повязке на глазах, закрывало от нее истину.

Наконец, совсем недавно, в силу случайных обстоятельств в ее душе зародилось сомнение; на помощь призвали науку, и была обнаружена ошибка в определении пола... Девушка оказалась юношей».

«Эко рошел», 18 июля 1860 года

***

«Вот уже несколько дней все вокруг только и говорят о том, что в Ля Рошели с двадцатилетней учительницей произошла необычная метаморфоза. Эта девушка, всем известная как своими талантами, так и скромностью, на прошлой неделе внезапно появилась в церкви Сен-Жан в мужском одеянии вместе со своей матерью и одной из самых уважаемых в городе дам. Некоторые люди, явившиеся на мессу, были чрезвычайно удивлены подобной выходкой с переодеванием в таком месте и в такой компании, тем более они не могли объяснить ее со стороны людей, известных своей набожностью, поэтому они не пожелали остаться, а покинули храм, дабы сообщить всем эту новость. Вскоре весь квартал пришел в смятение; стали образовываться группы людей; каждый, тщетно пытаясь разрешить загадку, высказывал самые необычные предположения, по городу стали распространяться невероятные слухи, при этом наиболее пикантная сплетня ходит по кварталу Сен-Жан, где жители в большинстве своем чрезвычайно расположены к вышеупомянутой особе. Поскольку нам представляется практически невозможным разобраться во всех доходящих до нас слухах, мы решили не вводить наших читателей в заблуждение, не получив всей необходимой информации. И вот что мы выяснили, благодаря одному из наших надежных источников.

Мы имеем дело со случаем, когда внешние половые признаки представляются обманчивыми, и

этому могут дать объяснение исключительно анатомические особенности. В медицинских книгах тому найдется немало примеров. Недоразумение трудно устранить, ибо набожное и скромное воспитание заставляет вас оставаться в благородном неведении. Однажды случайные обстоятельства зарождают в вашей душе некоторые сомнения; на помощь призывают медицинскую науку, ошибка признана, и решением суда ваше свидетельство о рождении корректируется в регистрах актов гражданского состояния.

Вот и вся история, теперь уже не нашей юной учительницы, а нашего молодого соотечественника. История чрезвычайно простая, которая, вероятно, только возвысит его в глазах окружающих и сделает объектом их повышенного внимания».

*«Индэтанган Шарант-Инферьер»,
21 июля 1860*

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

*Департамент Шарант-Инферьер
Город Ля Рошель*

Мы, мэ́р города Ля Рошель, кавалер ордена Почетного легиона, в соответствии с аттестацией, представленной нам господами Луазе, Буффаром и Бассе, которые являются членами Муниципального совета, настоящим удостоверяем, что мадмуазель Барбен Аделаида Эркюлин, родившаяся в Сен-Жан-д'Анжели, в департаменте Шарант-Инферьер, 7 ноября 1838 года, в силу своей праведной жизни и высоких моральных качество достойна заниматься преподаванием. В соответствии со статьей 4 закона от 29 июня 1833 года о начальном образовании мы выдаем ей настоящее свидетельство, предоставляющее ей это право.

Ля Рошель, 9 июля 1856 года. Мэр.

***

Я, нижеподписавшийся, кюре прихода Сен-Жан Ля Рошели, удостоверяю, что поведение мадмуазель Алексины Барбен, моей прихожанки, всегда было во всех отношениях весьма достойным.

Гилбо, священник. Ля Рошель, 7 июля 1856 года

***

Господин инспектор,

Вы дали нам надежду, что мы будем иметь честь видеть Вас в следующем месяце. Я собиралась представить Вам мадмуазель Алексину Барбен, дабы принять ее в число воспитанниц-стипендиаток, ибо ее прилежание, ум, желание учиться позволяют мне ожидать и даже, более того, вселяют в меня уверенность, что она через год сумеет получить диплом учительницы. Прошу Вас, господин инспектор, обратить внимание на бедственное положение ее матери и просить у господина префекта для этой юной особы место, оставшееся вакантным после ухода мадмуазель Риво, которая в нашем заведении была помощницей преподавателя.

Наши воспитанницы трудятся с утроенным рвением, особенно над изучением орфографии. Я использую все методы, на которые Вы любезно мне указали, и заставляю их выучить наизусть словарные слова. Мы все с нетерпением ждем Вашего скорейшего приезда, господин инспектор, чтобы услышать из Ваших уст наставления, которым мы будем с радостью и в точности следовать, дабы наши любимые воспитанницы добились наилучших результатов.

Примите, господин инспектор, заверения в глубочайшем уважении Вашей покорной слуги

*Сестра Мари Огюстин
20 ноября 1856*

***

Госпожа директор,
каждый день я предвкушаю удовольствие от встречи и беседы с Вами, но я постоянно вынужден откладывать эту поездку из-за работы, которая поглощает все мое время.

Я счастлив узнать, что Вашим ученицам идут на пользу Ваши замечательные уроки и не сомневаюсь, что на следующих экзаменах они проявят себя с наилучшей стороны, ибо в последний раз они, к сожалению, были не на высоте.

Мне известно положение достойной мадмуазель Барбен, и мне было чрезвычайно приятно узнать, что она делает успехи. Не сомневаюсь, что господин префект согласится предоставить ей стипендию как можно быстрее.

Примите мои заверения и т.д.

***

Господин инспектор,
через мою добрую наставницу мне стало известно Ваше благосклонное намерение помочь мне как можно скорее войти в число воспитанниц-стипендиатов. Я хочу также попросить Вас, господин инспектор, приурочить мое назначение господином префектом к 1 января, и я заранее Вам за это признательна. Моя наставница не исправляла моего письма, дабы Вы сами смогли убедиться в моих познаниях.

Примите, господин инспектор, заверение в моем глубочайшем уважении и искренней благодарности

*Ваша покорная слуга
Алексина Барбен
Ле Шато, 18 декабря 1856*

***

Господин инспектор,
мадмуазель Куйо написала нам, что возвращается в Сент, дабы занять должность помощницы преподавателя в том же пансионе, где была до экзаменов. Таким образом, после каникул у нас осталось лишь одиннадцать воспитанниц-стипендиаток, а именно: Мадмуазель Кларисса Боннэн, Офелия Массо, Селина Пелье, Роза Бушо, Элиза Пелерэн, Элиза Жако, Франсуаза Менан, Клементина Мюра, Адель Бессон, Мари-Тереза Тюро и Амели Лемарие. Надеюсь, господин инспектор, Вы сочтете возможным пополнить этот список, приняв мадмуазель Барбен, чье прилежание Вам известно.

.....

Сожалею, господин инспектор, что Ваша постоянная загруженность работой столь долго лишает нас счастья видеть Вас у себя.

С глубочайшим уважением, всегда Ваша покорная и преданная слуга, господин инспектор

Сестра Мари-Огюстин

***

Свидетельство о рождении Аделаиды Эркюлин Барбен №145

Год одна тысяча восемьсот тридцать восьмой, восьмого числа ноября месяца, в три часа вечера, к нам, Жану Батисту Жозеф Мари Шопи, мэру и чиновнику коммуну Сен Жан д'Анжели, округа Сен Жан д'Анжели, департамента Шарант Инферьер, явился Жан Барбен, возраста двадцати двух лет, проживающий в Сен Жан д'Анжели, мастер по изготовлению сабо, и представил новорожденную женского пола, появившуюся на свет прошлой ночью в двенадцать часов в доме отца и матери на улице Желю от законного брака вышеупомянутого и Аделаиды Детуш, возраста двадцати двух лет, не имеющей профессии и проживающей в том же городе, которой он дал имя Аделаида Эркюлин, все вышеперечисленные заявления и представление были сделаны в присутствии Жака Детуша, деда по материнской линии младенца, пятидесяти лет, проживающего в Сен Жан д'Анжели, мастера по изготовлению сабо, и Жана Батиста Лебрена, двадцати пяти лет, проживающего в Сен Жан д'Анжели, столяра по профессии, все упомянутые декларанты и свидетели вместе с нами подписали настоящий акт, после чего он был им передан на прочтение, за исключением первого свидетеля, который указал, что не обучен грамоте.

На полях сделаны следующие записи:

Решением гражданского суда Сен Жан д'Анжели от 21 июня 1860 года было приказано исправить настоящее свидетельство, а именно:

1) ребенок должен быть обозначен как принадлежащий к мужскому полу;

2) имя Аделаида Эркюлин должно быть заменено именем Абель;

Сен Жан д'Анжели, 22 июня 1860 года

СОДЕРЖАНИЕ

Эркюлин Барбен. Мои воспоминания 3

ДОСЬЕ

Мишель Фуко. От составителя 137

Имена и даты 139

Медицинские отчеты 141

Выдержки из прессы 166

Документальные свидетельства 169

Эркюлин Барбен
ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА
Перевод Маруси Климовой

Книги издательств «МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications»
можно купить

в московских магазинах:

«Проект ОГИ», Потаповский пер., дом 8/12, стр. 2 • «Пирог на Дмитровке»,
ул. Б.Дмитровка, дом 12, стр.1 • «Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7
• «Фаланстер», Малый Гнездииковский переулок д.12/27 •
«Книжная лавка при Лигинституте им. А.М.Горького», Тверской бульвар, дом 25
• «У Кенгавра», ул. Чайнова, дом 15 • «Молодая гвардия», ул. Б.Полянка, дом 28 •
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, дом 8 • «БУКБЕРИ»,
Сеть книжных супермаркетов • «Москва», ул.Тверская, дом 8

в Интернет:

- «Ozon» – www.ozon.ru
- «Межкнига» – www.mkniga.ru
- «Лавка Я+Я» – www.shop.gay.ru/books/

По вопросу
оптовых продаж
книг издательств
«МИТИН ЖУРНАЛ»,
«KOLONNA publications»
обращаться в ООО «БЕРРОУНЗ»,
телефон 095-104-68-36

Для заказа книг по почте
наложенным платежом
редакция просит обращаться
по адресу:
170024, г.Тверь, а/я 2448
в интернет:
www.mitin.com

KOLONNA Publications: Россия,
170024 Тверь, а/я 24048
Формат 80X100/32, объем 11 п.л.,
подписано в печать 15.12.2005 г.
Гарнитура NewBaskerville.
Тираж 1000 экз. Заказ № 12121212
Отпечатано с готовых
диапозитивов издательства.
ОАО «Тверской полиграфический
комбинат», г.Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон (0822) 44-42-15.
Интернет/ Home page - www.tverpk.ru.
Электронная почта (E-mail) -
sales@tverpk.ru.

